

Антихристианин. Проклятие христианству.

Знаменитая работа Ницше, направленная против Евангелия и христианства.

Friedrich Nietzsche
Der Antichrist

Фридрих Ницше
«Антихрист. Проклятие христианству»

Поначалу «Антихрист» был задуман как первая книга «Переоценки всех ценностей» и писался почти параллельно с «Сумерками идолов» (предисловие к этим последним помечено датой завершения новой рукописи – 30 сентября 1888 г.). Со временем план изменился, и уже 20 ноября Ницше сообщает Г. Брандесу о лежащей перед ним законченной «Переоценке всех ценностей». Аналогичное сообщение приведено в письме к П. Дёйссену от 26 ноября: «Моя Переоценка всех ценностей с основным заглавием „Антихрист“ готова». Первое издание «Антихриста» имело место в 1895 г. и содержало ряд неточностей и пропусков, которые впоследствии частично восполнялись вплоть до окончательной аутентичной редакции Шлехты в 1956 г. Произведение публикуется по изданию: Фридрих Ницше, сочинения в 2-х томах, том 2, издательство «Мысль», Москва 1990. Перевод – В. А. Флёровой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга принадлежит немногим. Может быть, никто из этих немногих ещё и не существует. Ими могут быть те, кто понимает моего Заратустру [1]; как мог бы я смешаться с теми, у кого лишь сегодня открываются уши? Только послезавтра принадлежит мне. Иные люди родятся posthum.

Условия, при которых меня понимают и тогда уже понимают с необходимостью, – я знаю их слишком хорошо. Надо быть честным в интеллектуальных вещах до жестокости, чтобы только вынести мою серьёзность, мою страсть. Надо иметь привычку жить на горах – видеть под собою жалкую болтовню современной политики и национального эгоизма. Надо сделаться равнодушным, никогда не спрашивать, приносит ли истина пользу или становится роком для личности... Пристрастие силы к вопросам, на которые сегодня ни у кого нет мужества; мужество к запретному, предназначение к лабиринту [2]. Опыт из семи одиночеств [3]. Новые уши для новой музыки. Новые глаза для самого дальнего. Новая совесть для истин, которые оставались до сих пор немymi. И воля к экономии высокого стиля: сплачивать свою силу, своё вдохновение. Уважение к себе; любовь к себе; безусловная свобода относительно себя...

Итак, только это – мои читатели, мои настоящие читатели, мои предопределённые читатели: что за дело до остального? Остальное – лишь человечество. Надо стать выше человечества силой, высотой души – презрением...

Фридрих Ницше

1

Обратимся к себе. Мы гипербореи [4] – мы достаточно хорошо знаем, как далеко в стороне мы живём от других. «Ни землёй, ни водой ты не найдёшь пути к гиперборейам» – так понимал нас ещё Пиндар [5]. По ту сторону севера, льда, смерти – наша жизнь, наше счастье. Мы открыли счастье, мы знаем путь, мы нашли выход из целых тысячелетий лабиринта. Кто же нашёл его? – Неужели современный человек? – «Я не знаю, куда деваться; я всё, что не знает, куда деваться», – вздыхает современный человек [6]. Этой современностью болели мы, мы болели ленивым миром, трусливым компромиссом, всей добродетельной нечистоплотностью современных Да и Нет. Эта терпимость, *largeur* [7] сердца, которая всё «извиняет», потому что всё «понимает», действует на нас, как сирокко. Лучше жить среди льдов, чем под тёплыми веяниями современных добродетелей. Мы были достаточно смелы, мы не щадили ни себя, ни других, но мы долго не знали, куда нам направить нашу смелость. Мы были мрачны, нас называли фаталистами. Нашим фатумом было: полнота, напряжение, накопление сил. Мы жаждали молнии и дел, мы оставались вдали от счастья немощных, от «смирения». Грозовые тучи вокруг, мрак внутри нас: мы не имели пути, формула нашего счастья: одно Да, одно Нет, одна прямая линия, одна цель.

2

Что хорошо? – Всё, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть.
Что дурно? – Всё, что происходит из слабости.

Что есть счастье? – Чувство растущей власти, чувство преодолеваемого противодействия. Не удовлетворённость, но стремление к власти, не мир вообще, не война, не добродетель, но полнота способностей (добродетель в стиле Ренессанс, *virtu* [8], добродетель, свободная от моралины). Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положение нашей любви к человеку. И им должно ещё помочь в этом. Что вреднее всякого порока? – Деятельное сострадание ко всем неудачникам и слабым – христианство.

3

Моя проблема не в том, как завершает собою человечество последовательный ряд сменяющихся существ (человек – это конец), но какой тип человека следует взрастить, какой тип желателен, как более ценный, более достойный жизни, будущности [9].

Этот более ценный тип уже существовал нередко, но лишь как счастливая случайность, как исключение, – и никогда как нечто преднамеренное. Наоборот, – его боялись более всего; до сих пор он внушал почти ужас, и из страха перед ним желали, возвращали и достигали человека противоположного типа: типа домашнего животного, стадного животного, больного животного – христианина.

4

Человечество не представляет собою развития к лучшему, или к сильнейшему, или к высшему, как в это до сих пор верят. «Прогресс» есть лишь современная идея, иначе говоря, фальшивая идея. Теперешний европеец по своей ценности глубоко ниже европейца эпохи Возрождения, поступательное развитие решительно не представляет собою какой-либо необходимости повышения, усиления.

Совсем в ином смысле, в единичных случаях на различных территориях земного шара и среди различных культур, удаётся проявление того, что фактически представляет собою высший тип, что по отношению к целому человечеству представляет род сверхчеловека. Такие счастливые случайности всегда бывали и всегда могут быть возможны. И при благоприятных обстоятельствах такими удачами могут быть целые поколения, племена, народы.

5

Не следует украшать и выражать христианство: оно объявило смертельную войну этому высшему типу человека, оно отрёклось от всех основных инстинктов этого типа; из этих инстинктов оно выцедило понятие зла, злого человека: сильный человек сделался негодным человеком, «отверженцем». Христианство взяло сторону всех слабых, униженных, неудачников, оно создало идеал из противоречия инстинктов поддержания сильной жизни; оно внесло порчу в самый разум духовно-сильных натур, так как оно научило их чувствовать высшие духовные ценности как греховные, ведущие к заблуждению, как искушения. Вот пример, вызывающий глубочайшее сожаление: гибель Паскаля [10], который верил в то, что причиной гибели его разума был первородный грех, между тем как ею было лишь христианство.

6

Мучительное, страшное зрелище представилось мне: я отдернул завесу с испорченности человека. В моих устах это слово свободно по крайней мере от одного подозрения: будто бы оно заключает в себе моральное обвинение. Слово это – я желал бы подчеркнуть это ещё раз – лишено морального смысла, и притом в такой степени, что испорченность эта как раз ощущается мною сильнее всего именно там, где до сих пор наиболее сознательно стремились к «добродетели», к «божественности». Я понимаю испорченность, как об этом можно уже догадаться, в смысле *decadence* [11]: я утверждаю, что все ценности, к которым в настоящее время человечество стремится, как к наивысшим, – суть ценности *decadence*.

Я называю животное – род, индивидуум – испорченным, когда оно теряет свои инстинкты, когда оно выбирает, когда оно предпочитает то, что ему вредно. История «высоких чувств», «идеалов человечества» – может быть, именно мне нужно ею заняться – была бы почти только выяснением того, почему человек так испорчен. Сама жизнь ценится мною, как инстинкт роста, устойчивости, накопления сил, власти: где недостаёт воли к власти, там упадок [12]. Я утверждаю, что всем высшим ценностям человечества недостаёт этой воли, что под самыми святыми именами господствуют ценности упадка, нигилистические ценности.

7

Христианство называют религией сострадания. Сострадание противоположно тоническим аффектам, повышающим энергию жизненного чувства; оно действует угнетающим образом. Через сострадание теряется сила. Состраданием ещё увеличивается и усложняется убыль в силе, наносимая жизни страданием. Само

страдание делается заразительным через сострадание [13]; при известных обстоятельствах путём сострадания достигается такая величина ущерба жизни и жизненной энергии, которая находится в нелепо преувеличенном отношении к величине причины (– случай смерти Назореянина). Вот первая точка зрения, но есть ещё и более важная. Если измерять сострадание ценностью реакций, которые оно обыкновенно вызывает, то опасность его для жизни ещё яснее. Сострадание вообще противоречит закону развития, который есть закон подбора. Оно поддерживает то, что должно погибнуть, оно встаёт на защиту в пользу обездоленных и осуждённых жизнью; поддерживая в жизни неудачное всякого рода, оно делает саму жизнь мрачною и возбуждающею сомнение. Осмелились назвать сострадание добродетелью (в каждой благородной морали оно считается слабостью); пошли ещё дальше: сделали из него добродетель по преимуществу, почву и источник всех добродетелей, конечно, лишь с точки зрения нигилистической философии, которая пишет на своём щите отрицание жизни, – и это надо всегда иметь в виду. Шопенгауэр [14] был прав: сострадание отрицает жизнь, оно делает её более достойной отрицания, – сострадание есть практика нигилизма [15]. Повторяю: этот угнетающий и заразительный инстинкт уничтожает те инстинкты, которые исходят из поддержания и повышения ценности жизни: умножая бедствие и охраняя всё бедствующее, оно является главным орудием decadence – сострадание увлекает в ничто!.. Не говорят «ничто»: говорят вместо этого «по ту сторону», или «Бог», или "истинная жизнь", или нирвана, спасение, блаженство... Эта невинная риторика из области религиозно-нравственной идиосинкразии оказывается гораздо менее невинной, когда поймёшь, какая тенденция облекается здесь в мантию возвышенных слов, тенденция, враждебная жизни. Шопенгауэр был враждебен жизни – поэтому сострадание сделалось у него добродетелью... Аристотель, как известно, видел в сострадании болезненное и опасное состояние, при котором недурно кое-когда прибегать к слабительному; он понимал трагедию – как слабительное. Исходя из инстинкта жизни, можно бы было в самом деле поискать средство удалить хирургическим путём такое болезненное и опасное скопление сострадания, какое представляет случай с Шопенгауэром (и, к сожалению, весь наш литературный и артистический decadence от Санкт-Петербурга до Парижа, от Толстого до Вагнера)... Нет ничего более нездорового среди нашей нездоровой современности, как христианское сострадание. Здесь быть врачом, здесь быть неумолимым, здесь действовать ножом, – это надлежит нам, это наш род любви к человеку, с которой живём мы – философы, мы – гипербореи!..

8

Необходимо сказать, кого мы считаем своей противоположностью: теологов и всё, что от плоти и крови теологов, – всю нашу философию... Нужно вблизи увидеть роковое, больше того – нужно пережить его на себе, почти дойти до гибели, чтобы с ним уже не шутить более (свободомыслие наших господ естествоиспытателей и физиологов в моих глазах есть шутка; им недостаёт страсти в этих вещах, они не страдают ими). Отрава идёт гораздо далее, чем думают: я нашел присущий теологам инстинкт высокомерия всюду, где теперь чувствуют себя «идеалистами», где, ссылаясь на высшее происхождение, мнят себя вправе относиться к действительности как к чему-то чуждому и смотреть на неё свысока... Идеалист совершенно так, как и жрец, все великие понятия держит в руке (и не только в руке!); он играет ими с благосклонным презрением к «разуму», «чувству», «чести», «благоденствию», «науке»; на всё это он смотрит сверху вниз, как на вредные и соблазнительные силы, над которыми парит «дух» в самодовлеющей чистоте: как будто жизнь до сих пор не вредила себе целомудрием, бедностью, одним словом, – святостью гораздо более, чем всякими ужасами и пороками... Чистый дух – есть чистая ложь... Пока жрец, этот отрицатель, клеветник, отравитель жизни по призванию, считается ещё человеком высшей породы, – нет ответа на вопрос: что есть истина? Раз сознательный защитник отрицания жизни является заступником «истины», тем самым истина ставится вверх ногами...

9

Этому инстинкту теолога объявляю я войну: всюду находил я следы его. У кого в жилах течёт кровь теолога, тот с самого начала не может относиться ко всем вещам прямо и честно. Развивающийся отсюда пафос называется вера, т. е. раз и навсегда закрывание глаз, чтобы не страдать от зрелища неисправимой лжи. Из этого оптического обмана создают себе мораль, добродетель, святость; чистую совесть связывают с фальшивым взглядом; освящая собственное мировоззрение терминами «Бог», «спасение», «вечность», не допускают, чтобы какая-нибудь иная оптика претендовала на ценность. Везде откапывал я инстинкт теолога: он есть самая распространённая и самая подземная форма лжи, которая только существует на земле. Всё, что ощущает теолог как истинное, то должно быть ложным: в этом мы почти имеем критерий истины. Его глубочайший инстинкт самосохранения запрещает, чтобы реальность в каком бы то ни было отношении пользовалась почётом или хотя бы просто заявляла о себе. Поскольку простирается влияние теологов, постольку извращается оценка, – необходимо подменяются понятия «истинный» и «ложный»: что более всего вредит жизни, то здесь называется «истинным»; что её возвышает, поднимает, утверждает, оправдывает и доставляет ей торжество, то называется «ложным». Если случается, что теологи, путём воздействия на «совесть» государей (или народов), протягивают руку к власти, то мы не сомневаемся, что собственно каждый раз тут происходит: воля к концу, нигилистическая

Немцам сразу понятны мои слова, что кровь теологов испортила философию. Протестантский пастор – дедушка немецкой философии, сам протестантизм её *peccatum originale* [16]. Вот определение протестантизма: односторонний паралич христианства – и разума... Достаточно сказать слово «тюбингенская школа» [17], чтобы сделалось ясным, что немецкая философия в основании своём – коварная теология... Швабы – лучшие лжецы в Германии, – они лгут невинно... Откуда то ликование при появлении Канта [18], которое охватило весь немецкий учёный мир, состоящий на три четверти из сыновей пасторов и учителей? Откуда убеждение немцев, ещё и до сих пор находящее свой отзвук, что с Кантом начался поворот к лучшему? Инстинкт теолога в немецком учёном угадал, что теперь снова сделалось – возможным... Открылась лазейка к старому идеалу; понятие "истинный мир", понятие о морали как сущности мира (два злостнейших заблуждения, какие только существуют!) – эти два понятия, благодаря хитроумному скептицизму, если не доказываются, то более не опровергаются... Разум, право разума сюда не достигает... Из реальности сделали «видимость», из совершенно изолганного мира, мира сущего, сделали реальность... Успех Канта есть лишь успех теолога. Кант, подобно Лютеру [19], подобно Лейбницу [20], был лишним тормозом для недостаточно твёрдой на ногах немецкой честности...

Ещё одно слово против Канта как моралиста. Добродетель должна быть нашим изобретением, нашей глубоко личной защитой и потребностью: во всяком ином смысле она только опасность. Что не обуславливает нашу жизнь, то вредит ей: добродетель только из чувства уважения к понятию «добродетель», как хотел этого Кант, вредна. «Добродетель», «долг», «добро само по себе», доброе с характером безличности и всеобщности – всё это химеры, в которых выражается упадок, крайнее обессиление жизни, кёнигсбергский китаизм. Самые глубокие законы сохранения и роста повелевают как раз обратное: чтобы каждый находил себе свою добродетель, свой категорический императив. Народ идёт к гибели, если он смешивает свой долг с понятием долга вообще. Ничто не разрушает так глубоко, так захватывающе, как всякий «безличный» долг, всякая жертва молоху абстракции. – Разве не чувствуется категорический императив Канта, как опасный для жизни!.. Только инстинкт теолога взял его под защиту! – Поступок, к которому вынуждает инстинкт жизни, имеет в чувстве удовольствия, им вызываемом, доказательство своей правильности, а тот нигилист с христиански-догматическими потрохами принимает удовольствие за возражение... Что действует разрушительнее того, если заставить человека работать, думать, чувствовать без внутренней необходимости, без глубокого личного выбора, без удовольствия? как автомат «долга»? Это как раз рецепт *decadence*, даже идиотизма... Кант сделался идиотом. – И это был современник Гёте! Этот роковой паук считался немецким философом! – Считается ещё и теперь!.. Я остерегаюсь высказать, что я думаю о немцах... Разве не видел Кант во французской революции перехода неорганической формы государства в органическую? Разве не задавался он вопросом, нет ли такого явления, которое совершенно не может быть объяснено иначе как моральным настроением человечества, так чтобы им раз и навсегда была доказана «тенденция человечества к добру»? Ответ Канта: «это революция». Ошибочный инстинкт в общем и в частности, противоприродное как инстинкт, немецкая *decadence* как философия – вот что такое Кант! -

Если оставить в стороне пару скептиков, представителей порядочности в истории философии, то остальное всё не удовлетворяет первым требованиям интеллектуальной честности. Все эти великие мечтатели и чудаки, вместе взятые, все они поступают, как бабёнки: «прекрасные чувства» принимают они за аргументы, «душевное воздыхание» за воздуходувку Божества, убеждение за критерий истины. В конце концов ещё Кант в «немецкой» невинности пытался приобщить к науке эту форму коррупции, этот недостаток интеллектуальной совести, под видом понятия «практический разум»: он нарочно изобрёл разум для того случая, когда о разуме не может быть и речи, когда именно мораль провозглашает своё возвышенное требование: «ты должен». Принимая во внимание, что почти у всех народов философ есть только дальнейшее развитие жреческого типа, нечего удивляться его жульничеству перед самим собой, этому наследию жреца. Если имеешь священные задачи вроде исправления, спасения, искупления человечества, если носишь в груди божество, считаешь себя рупором потустороннего императива, то, облечённый в такую миссию, ставишь себя уже вне всех чисто рациональных оценок, – сам, освящённый подобной задачей, изображаешь тип высшего порядка!.. Что за дело жрецу до науки! Он стоит слишком высоко для этого! – И этот жрец до сих пор господствовал! – Он определял понятие «истинный» и «неистинный»!..

Оценим в должной мере то, что мы сами, мы, свободные умы, уже есть «переоценка всех ценностей», воплощённый клич войны и победы над всеми старыми понятиями об «истинном» и «неистинном». Самое ценное в интеллектуальном отношении отыскивается позднее всего. Но самое ценное – это методы. Все методы, все предпосылки нашей теперешней научности, встречали глубочайшее презрение в течение тысячелетий; из-за них иные исключались из общества «честных» людей, считались «врагами Бога», презирающими истину, «одержимыми». Научные склонности человека делали из него чандалу [21]... Весь пафос человечества – его понятие о том, что должно быть истиной, чем должно быть служение истине – всё было против нас: каждое «ты должен» было до сих пор направлено против нас... Предметы наших занятий, самые занятия, весь род наш – тихий, осмотнительный, недоверчивый – всё казалось совершенно недостойным и заслуживающим презрения. – В конце концов, с известной долей справедливости можно бы было спросить себя: не эстетический ли вкус удерживал человечество в столь длительной слепоте? Оно требовало от истины живописного эффекта, оно требовало и от познающего, чтобы он сильно действовал на чувство. Наша скромность дольше всего претила его вкусу... О, как они это угадали, эти божьи индюки!..

14

Нам пришлось переучиваться. Во всём мы сделались скромнее. Мы более не выводим человека из «духа», из «божества», мы отодвинули его в ряды животных. Мы считаем его сильнейшим животным, потому что он хитрее всех, – следствием этого является его духовность. С другой стороны, мы устраним от себя тщеславное чувство, которое и здесь могло бы проявиться: что человек есть великая скрытая цель развития животного мира. Он совсем не венец творения, каждое существо рядом с ним стоит на равной ступени совершенства... Утверждая это, мы утверждаем ещё большее: человек, взятый относительно, есть самое неудачное животное, самое болезненное, уклонившееся от своих инстинктов самым опасным для себя образом, – но, конечно, со всем этим и самое интереснейшее! – Что касается животных, то с достойною уважения смелостью Декарт [22] впервые рискнул высказать мысль, что животное можно понимать как *machina*, – вся наша физиология старается доказать это положение. Развивая логически эту мысль, мы не исключаем и человека, как это делал ещё Декарт: современные понятия о человеке развиваются именно в механическом направлении. Прежде придавали человеку качество высшего порядка – «свободную волю»; теперь мы отняли у него даже волю в том смысле, – что под волей нельзя уже более подразумевать силу. Старое слово «воля» служит только для того, чтобы обозначить некую результативную, некий род индивидуальной реакции, которая необходимо следует за известным количеством частью противоречащих, частью согласующихся раздражений: воля более не «действует», более не «двигает»... Прежде видели в сознании человека, в «духе», доказательство его высшего происхождения, его божественности; ему советовали, если он хотел быть совершенным, втянуть, подобно черепахе, в себя свои чувства, прекратить общение с земным, скинуть земную оболочку: тогда от него должно было остаться главное – «чистый дух». На счёт этого мы теперь уже лучше соображаем: как раз именно сознание, «дух», мы считаем симптомом относительного несовершенства организма, как бы попыткой, прощупыванием, промахом, как бы усилием, при котором бесполезно тратится много нервной силы; мы отрицаем, чтобы что-нибудь могло быть совершенным, раз оно делается сознательно. «Чистый дух» есть чистая глупость: если мы сбросим со счёта нервную систему и чувства, «смертную оболочку», то мы обсчитаемся – вот и всё.

15

Ни мораль, ни религия не соприкасаются в христианстве ни с какой точкой действительности. Чисто воображаемые причины («Бог», «душа», «Я», «дух», «свободная воля», – или даже «несвободная»); чисто воображаемые действия («грех», «искупление», «милость», «наказание», «прощение греха»). Общение с воображаемыми существами («Бог», «духи», «души»); воображаемая наука о природе (антропоцентрическая; полное отсутствие понятия о естественных причинах); воображаемая психология (явное непонимание самого себя, толкование приятных или неприятных всем общим чувств – как, например, известных состояний *pervus sympathicus* – при помощи символического языка религиозно-моральной идиосинкразии, – «раскаяние», «угрызение совести», «искушение дьявола», «близость Бога»); воображаемая телеология («Царство Божье», «Страшный суд», «вечная жизнь»). – Этот мир чистых фикций сильно отличается не в свою пользу от мира грёз именно тем, что последний отражает действительность, тогда как первый извращает её, обесценивает, отрицает. Только после того, как понятие «природа» было противопоставлено понятию «Бог», слово «природный», «естественный» должно было сделаться синонимом «недостойный» – корень всего этого мира фикций лежит в ненависти к естественному (действительность!); этот мир есть выражение глубокого отвращения к действительному... И этим всё объясняется. У кого единственно есть основание отречься от действительности, оклеветавши её? – У того, кто от неё страдает. Но страдать от действительности – это значит самому быть неудачной действительностью... Перевес чувства неудовольствия над чувством удовольствия есть причина этой фиктивной морали и религии, а такой перевес даёт содержание формуле *decadence*...

К такому заключению вынуждает критика христианского понятия о Боге. – Народ, который ещё верит в самого себя, имеет также и своего собственного Бога. В нём он чтит условия, благодаря которым он поднялся, – свои добродетели. Его самоудовлетворённость, его чувство власти отражается для него в существе, которое можно за это благодарить. Кто богат – хочет давать; гордый народ нуждается в божестве, чтобы жертвовать... Религия при таких предпосылках является выражением благодарности. Народ, благодарный за своё существование, нуждается для выражения этой благодарности в божестве. – Такое божество должно иметь силу приносить пользу или вред, быть другом или врагом; ему удивляются как в добре, так и в зле. Протiwоестественная кастрация божества в божество только добра была бы здесь совсем нежелательна. В злом божестве так же нуждаются, как и в добром: ведь и собственное существование не есть лишь дар снисходительности и дружеского расположения к человеку... Какой смысл в божестве, которое не знает ни гнева, ни мести, ни зависти, ни насмешки, ни хитрости, ни насилия? которому, быть может, никогда не были знакомы приводящие в восхищение *ardeurs* [23] победы и уничтожения? Такое божество было бы и непонятно: к чему оно? – Конечно, если народ погибает, если он чувствует, что окончательно исчезает его вера в будущее, его надежда на свободу, если покорность начинает входить в его сознание, как первая полезность, если добродетели подчинения являются необходимыми условиями его поддержания, то и его божество должно также измениться. Оно делается теперь пронзительным, боязливым, скромным, советует «душевный мир», воздержание от ненависти, осторожность, «любовь к другу и врагу». Оно постоянно морализирует, оно вползает в каждую частную добродетель, становится божеством для отдельного человека, становится частным лицом, космополитом... Некогда божество представляло собою народ, мощь народа, всё агрессивное и жаждущее власти в душе народа – теперь оно только лишь благое божество... Поистине, для богов нет иной альтернативы: или они есть воля к власти, и тогда они бывают национальными божествами, – или же они есть бессилие к власти – и тогда они по необходимости делаются добрыми...

Где понижается воля к власти в какой бы то ни было форме, там всякий раз происходит также и физиологический спад, *decadence*. Божество *decadence*, кастрированное в сильнейших своих мужских добродетелях и влечениях, делается теперь по необходимости Богом физиологически вырождающихся, Богом слабых. Сами себя они не называют слабыми, они называют себя «добрыми»... Понятно без дальнейших намёков, в какие моменты истории впервые делается возможной дуалистическая фикция доброго и злого Бога. Руководствуясь одним и тем же инстинктом, поработщённые низводят своего Бога до «доброты в самом себе» и вместе с тем лишают Бога своих поработителей его добрых качеств; они мстят своим господам тем, что их Бога обращают в чёрта. – Добрый Бог, равно как и чёрт, – то и другое суть исчадия *decadence*. Как можно ещё в настоящее время так поддаваться простоте христианских теологов, чтобы вместе с ними декретировать, что дальнейшее развитие понятия о Боге от «Бога Израиля», от Бога народа, к христианскому Богу, к вместилищу всякого добра, – что это был прогресс? – Но сам Ренан [24] делает это. Как будто Ренан имеет право на простоту! А между тем противоположное бросается в глаза. Если из понятия о божестве удалены все предпосылки возрастающей жизни, всё сильное, смелое, повелевающее, гордое, если оно опускается шаг за шагом до символа посоха для уставших, якоря спасения для всех утопающих, если оно становится Богом бедных людей, Богом грешников, Богом больных *par excellence* [25] и предикат «Спаситель», «Избавитель» делается как бы божеским предикатом вообще, – то о чём говорит подобное превращение, подобная редукция божественного? – Конечно, «Царство Божье» тем самым увеличилось. Прежде Бог знал только свой народ, свой «избранный» народ. Между тем он пошёл, как и народ его, на чужбину, начал странствовать, и с тех пор он уже нигде не оставался в покое, пока наконец не сделался всюду туземцем – великий космополит, – пока не перетянул он на свою сторону «великое число» и половину земли. Но Бог «великого числа», демократ между богами, несмотря на это, не сделался гордым богом язычников; он остался иудеем, он остался богом закоулка, богом всех тёмных углов и мест, всех нездоровых жилищ целого мира!.. Царство его мира всегда было царством преисподней, госпиталем, царством *souterrain* [26], царством гетто... И сам он, такой бледный, такой слабый, такой *decadent*... Даже самые бледные из бледных, господа метафизики, альбиносы понятия, стали над ним господами. Метафизики опутывали его своей пряжей до тех пор, пока он сам, загнипнотизированный их движениями, не сделался пауком, сам не сделался метафизикусом. Теперь он уже прятал мир из самого себя – *sub specie Spinozae* [27] – теперь он сам преображался, всё утончаясь и бледнея; он стал «идеалом», стал «чистым духом», стал «*absolutum*», стал «вещью в себе»... Падение божества: Бог стал «вещью в себе»...

Христианское понятие о божестве (Бог как Бог больных, Бог как паук, Бог как дух) – это понятие есть одно из

самых извращённых понятий о божестве, какие только существовали на земле; быть может, оно является даже измерителем той глубины, до которой может опуститься тип божества в его нисходящем развитии. Бог, выродившийся в противоречие с жизнью, вместо того чтобы быть её просветлением и вечным её утверждением! Бог, объявляющий войну жизни, природе, воле к жизни! Бог как формула всякой клеветы на «посюстороннее», для всякой лжи о «потустороннем»! Бог, обожествляющий «ничто», освящающий волю к «ничто»!..

19

Сильные расы северной Европы не оттолкнули от себя христианского Бога, и это не делает чести их религиозной одарённости, не говоря уже о вкусе. Они должны бы справиться с таким болезненным и слабым вырождением decadence. Но за то, что они не справились с ним, на них лежит проклятие: они впитали во все свои инстинкты болезненность, дряхлость, противоречие, они уже не создали с тех пор более никакого Бога! Почти два тысячелетия – и ни одного нового божества! Но всё ещё он и как бы по праву, как бы ultimum и maximum [28] богообразовательной силы, creator spiritus [29] в человеке, – всё он, этот жалкий Бог христианского монотонизма! Этот гибрид упадка, образовавшийся из нуля, понятия и противоречия, в котором получили свою санкцию все инстинкты decadence, вся трусливость и усталость души!..

20

Осуждая христианство, я не хотел бы быть несправедливым по отношению к родственной религии, которая даже превосходит христианство числом своих последователей: по отношению к буддизму [30]. Обе принадлежат к нигилистическим религиям, как религии decadence, и обе удивительно непохожи одна на другую. Теперь их уже можно сравнивать, и за это критик христианства должен быть глубоко благодарен индийскому учёному. Буддизм во сто раз реальнее христианства, – он представляет собою наследие объективной и холодной постановки проблем, он является после философского движения, продолжавшегося сотни лет; с понятием «Бог» уже было покончено, когда он явился. Буддизм есть единственная истинно позитивистская религия, встречающаяся в истории; даже в своей теории познания (строгом феноменализме) он не говорит: "борьба против греха", но, с полным признанием действительности, он говорит: "борьба против страдания". Самообман моральных понятий он оставляет уже позади себя, – и в этом его глубокое отличие от христианства – он стоит, выражаясь моим языком, по ту сторону добра и зла. – Вот два физиологических факта, на которых он покоится и которые имеет в виду: первое – преувеличенная раздражительность, выражающаяся в утончённой чувствительности к боли, второе – усиленная духовная жизнь, слишком долгое пребывание в области понятий и логических процедур, ведущее к тому, что инстинкт личности, ко вреду для себя, уступает место «безличному» (оба состояния, по опыту известные, по крайней мере некоторым из моих читателей – «объективным» подобно мне самому). На основе этих физиологических условий возникло состояние депрессии, против него-то и выступил со своей гигиеной Будда. Он предписывает жизнь на свежем воздухе, в странствованиях; умеренность и выбор в пище, осторожность относительно всех спиртных; предусмотрительность также по отношению ко всем аффектам, вырабатывающим желчь, разгорячающим кровь, – никаких забот ни о себе, ни о других. Он требует представлений успокаивающих или развеселяющих – он изобретает средства отучить себя от других. Он понимает доброту, доброжелательное настроение как требование здоровья. Молитва исключается, равно как и аскеза; никакого категорического императива, никакого принуждения вообще, даже внутри монастырской общины (откуда всегда возможен выход). Всё это было бы средствами к усилению преувеличенной раздражительности. Поэтому именно он не требует никакой борьбы с теми, кто иначе думает; его учение сильнее всего вооружается против чувства мести, отвращения, ressentiment [31] (– «не путём вражды кончается вражда» – трогательный рефрен всего буддизма). И это с полным правом: именно эти аффекты были бы вполне нездоровы по отношению к главной, диететической, цели. Если он встречает духовное утомление, которое выражается в слишком большой «объективности» (т. е. в ослаблении индивидуального интереса, в потере «эгоизма»), он с ним борется тем, что придаёт даже и вполне духовным интересам строго личный характер. В учении Будды эгоизм делается обязанностью. "Необходимо одно: как тебе освободиться от страданий", – это положение регулирует и ограничивает всю духовную диету (быть может, следует вспомнить того афинянина, который также объявлял войну чистой «научности», а именно Сократа [32], поднявшего личный эгоизм в область моральных проблем).

21

Чрезвычайно мягкий климат, кротость и либеральность в нравах, отсутствие милитаризма – вот условия, predisposing к буддизму; равно как и то, чтобы очагом движения были высшие и даже учёные сословия. Ясность духа, спокойствие, отсутствие желаний как высшая цель – вот чего хотят и чего достигают. Буддизм не есть религия, в которой лишь стремятся к совершенству: совершенное здесь есть нормальный случай. В христианстве инстинкты подчинённых и угнетённых выступают на передний план: именно низшие сословия

ищут в нём спасения. Казуистика греха, самокритика, инквизиция совести практикуются здесь как занятие, как средство против скуки; здесь постоянно (путём молитвы) поддерживается пыл по отношению к могущественному существу, называемому «Бог»; высшее значится здесь как недостижимое, как дар, как «милость». В христианстве недостаёт также откровенности: тёмное место, закоулок – это в его духе. Тело здесь презирается, гигиена отвергается как чувственность; церковь отвращается даже от чистоплотности (первым мероприятием христиан после изгнания мавров было закрытие общественных бань, каковых только в Кордове насчитывалось до двухсот семидесяти). Христианство есть в известном смысле жестокость к себе и другим, ненависть к инакомыслящим, воля к преследованию. Мрачные и волнующие представления здесь на переднем плане. Состояния, которых домогаются и отмечают высокими именами, – это эпилептоидные состояния. Диета приспособлена к тому, чтобы покровительствовать болезненным явлениям и крайне раздражать нервы. Христианство есть смертельная вражда к господам земли, к «знатым», и вместе с тем скрытое, тайное соперничество с ними (им предоставляют «плоть», себе хотят только «душу»...). Христианство – это ненависть к уму, гордости, мужеству, свободе; это – libertinage [33] ума; христианство есть ненависть к чувствам, к радостям чувств, к радости вообще...

22

Когда христианство покинуло свою первоначальную почву, т. е. низшие сословия, подонки античного мира, когда оно вышло на поиски власти, очутилось среди варварских народов – с тех пор оно не могло уже более рассчитывать на утомлённых людей, но ему предстояло иметь дело с людьми внутренне-одичавшими и терзающими друг друга – людьми сильными, но неудачниками. Недовольство собою, страдание от самого себя не имеют здесь характера чрезмерной раздражительности и восприимчивости к боли, как у буддиста, а скорее наоборот, – чересчур сильное стремление к причинению боли, к разрешению внутреннего напряжения путём враждебных поступков и представлений. Христианству нужны были варварские понятия и оценки, чтобы господствовать над варварами: такова жертва первенца, причащение в виде питья крови, презрение духа и культуры, всевозможные – чувственные и сверхчувственные – пытки, помпезность культа. Буддизм – религия для поздних людей, для добрых, нежных рас, достигших высшей степени духовности, которые слишком восприимчивы к боли (Европа далеко ещё не созрела для него); он есть возврат их к миру и весёлости, к диете духа, к известной закалке тела. Христианство хочет приобрести господство над дикими зверями; средством его для этого является – сделать их больными. Делать слабым – это христианский рецепт к приручению, к «цивилизации». Буддизм есть религия цивилизации, приведшей к усталости, близящейся к концу, христианство ещё не застаёт такой цивилизации, – при благоприятных обстоятельствах оно само её устанавливает.

23

Буддизм, повторяю ещё раз, в сто раз холоднее, правдивее, объективнее. Он не нуждается в том, чтобы своему страданию, своей болезненности придать вид приличия, толкуя его как грех, – он просто говорит то, что думает: «я страдаю». Для варвара, напротив, страдание само по себе есть нечто неприличное: он нуждается в известном истолковании, чтобы самому себе признаться, что он страдает (его инстинкт прежде всего указывает ему на то, чтобы отрицать страдание, скрывая его). Слово «дьявол» явилось здесь благодеянием: в нём имели налицо могущественного и сильного врага: можно было не стыдиться страдания от такого врага.

Христианство имеет в основании несколько тонкостей, принадлежащих Востоку. Прежде всего оно знает, что само по себе безразлично, истинно ли то или другое, но в высшей степени важно, насколько верят, что оно истинно. Истина и вера, что известная вещь истинна, – это два мира совсем отдельных, почти противоположных интересов: к тому и другому ведут пути, в основе совершенно различные. Знать это – значит на Востоке быть почти мудрецом: так понимают это брамины, так понимает Платон [34], так же каждый ученик эсotericической мудрости. Если, например, счастье заключается в том, чтобы верить в спасение от греха, то для этого нет необходимости в предположении, чтобы человек был грешен, но только, чтобы он чувствовал себя грешным. Но если вообще прежде всего необходима вера, то разум, познание, исследование необходимо дискредитировать: путь к истине делается запрещённым путём. – Сильная надежда есть гораздо больший жизненный стимул, чем какое бы то ни было действительно наступившее счастье. Страдающих можно поддержать надеждой, которая не может быть опровергнута действительностью, которая не устраняется осуществлением, – надеждой на потустороннее. (Именно благодаря этой способности поддерживать несчастных надежда считалась у греков злом, изю всех зол единственно коварным злом: она осталась в ларце зла.) – Чтобы была возможна любовь, Бог должен быть личностью; чтобы могли при этом заговорить самые низшие инстинкты, Бог должен быть молод. Чтобы воспламенить женщин, надо было выдвинуть на передний план прекрасного святого, для мужчин – Марию. Всё это при предположении, что христианство будет господствовать там, где понятие культа уже определилось культом Афродиты или Адониса [35]. Требование целомудрия усиливает внутренний пыл религиозного инстинкта – оно делает культ горячее, мечтательнее, душевнее. – Любовь есть такое состояние, когда человек по большей части видит вещи не такими, каковы они есть. Здесь господствует сила иллюзии,

одновременно преображающая и услаждающая. При любви можно перенести больше, можно вытерпеть всё. Необходимо изобрести религию, которая была бы преисполнена любви, с любовью можно перейти через самое плохое в жизни: его уже и вовсе не замечаешь. Вот что можно сказать о трёх христианских добродетелях: вере, надежде, любви; я называю их тремя христианскими хитростями. – Буддизм слишком зрел и к тому же слишком позитивистичен для того, чтобы прибегать к подобным хитростям.

24

Я здесь только коснусь проблемы возникновения христианства. Первое положение к её решению гласит: христианство можно понять единственно в связи с той почвой, на которой оно выросло, – оно не есть движение, враждебное иудейскому инстинкту, оно есть его последовательное развитие, силлогизм в его логической цепи, внушающей ужас. По формуле Искупителя: «спасение идёт от иудеев» [36]. – Второе положение гласит: психологический тип Галилеянина ещё доступен распознаванию, но быть пригодным для того, для чего он употреблялся, т. е. быть типом Спасителя человечества, он мог лишь при полном своём вырождении (которое одновременно есть искажение и перегрузка чуждыми ему чертами).

Евреи – это самый замечательный народ мировой истории, потому что они, поставленные перед вопросом: быть или не быть, со внушающей ужас сознательностью предпочли быть какою бы то ни было ценою: и эту ценою было радикальное извращение всей природы, всякой естественности, всякой реальности, всего внутреннего мира, равно как и внешнего. Они оградили себя от всех условий, в которых до сих пор народ мог и должен был жить, они создали из себя понятие противоположности естественным условиям, непоправимым образом обратили они по порядку религию, культ, мораль, историю, психологию в противоречие к естественным ценностям этих понятий. Подобное явление встречаем мы ещё раз (и в несравненно преувеличенных пропорциях, хотя это только копия): христианская церковь по сравнению с «народом святых» не может претендовать на оригинальность. Евреи вместе с тем самый роковой народ всемирной истории: своими дальнейшими влияниями они настолько извратили человечество, что ещё теперь христианин может чувствовать себя анти-иудеем, не понимая того, что он есть последний логический вывод иудаизма.

В «Генеалогии морали» я впервые представил психологическую противоположность понятий благородной морали и морали *ressentiment*, выводя последнюю из отрицания первой; но эта последняя и есть всецело иудейско-христианская мораль. Чтобы сказать Нет всему, что представляет на земле восходящее движение жизни, удачу, силу, красоту, самоутверждение, – инстинкт *ressentiment*, сделавшийся гением, должен был изобрести себе другой мир, с точки зрения которого это утверждение жизни являлось злом, недостойным само по себе. По психологической проверке еврейский народ есть народ самой упорнейшей жизненной силы; поставленный в невозможные условия, он добровольно, из глубокого и мудрого самосохранения, берёт сторону всех инстинктов *decadence* – не потому, что они им владеют, но потому, что в них он угадал ту силу, посредством которой он может отстоять себя против «мира». Евреи – это эквивалент всех *decadents*: они сумели изобразить их до иллюзии, с актёрским гением до *non plus ultra* [37], сумели поставить себя во главе всех движений *decadence* (как христианство Павла [38]), чтобы из них создать нечто более сильное, чем всякое иное движение, утверждающее жизнь. Для той человеческой породы, которая в иудействе и христианстве домогается власти, т. е. для жреческой породы, – *decadence* есть только средство: эта порода людей имеет свой жизненный интерес в том, чтобы сделать человечество больным, чтобы понятия «добрый» и «злой», «истинный» и «ложный» извратить в опасном для жизни смысле, являющемся клеветой на мир.

25

История Израйля неоценима, как типичное изображение того процесса, посредством которого естественные ценности лишались всякой естественности: я отмечаю этот процесс пятью фактами. Первоначально, во времена Царей, и Израиль стоял ко всем вещам в правильном, т. е. естественном, отношении. Его Иегова был выражением сознания власти, радости, надежды на себя: в нём ожидали победы и спасения, с ним доверяли природе, что она даёт то, в чём нуждается народ, и прежде всего дождь. Иегова – Бог Израйля и, следовательно, Бог справедливости: такова логика всякого народа, который обладает силою и с чистой совестью пользуется ею. В празднествах выражаются обе эти стороны самоутверждения народа: он благодарен за великие судьбы, которые возвышают, он благодарен за круговую смену времён года, за всю свою удачу в скотоводстве и земледелии. – Это положение долго оставалось идеалом уже и после того, как ему был положен печальный конец, анархией внутри, ассирийцами извне. Но народ выше всего ценил образ царя – хорошего солдата и вместе с тем строгого судью: так понимал это прежде всего Исайя [39] – этот типичный пророк (т. е. критик и сатирик момента). – Но надежда не осуществлялась. Старый Бог ничего более не мог из того, что мог он ранее. От него должны были бы отказаться. Что же случилось? Изменили понятие о нём, – это понятие лишили естественности; этой ценой его удержали. – Иегова – Бог «справедливости» – более не составляет единства с Израилем, он не служит выражением народного самосознания: он только условный Бог... Понятие о нём сделалось орудием в руках жрецов-агитаторов, которые теперь истолковывали всякое счастье как награду, всякое несчастье – как наказание

за непослушание против Бога, как «грех»: извращённая манера мнимого «нравственного миропорядка», посредством которого раз навсегда извращаются естественные понятия «причина» и «действие». Теперь, когда с наградой и наказанием изгнана была из мира естественная причинность, явилась потребность в противоестественной причинности; отсюда следует вся дальнейшая противоестественность. Бог, который требует, – вместо Бога, который помогает, советует, который в основе является словом для всякого счастливого вдохновения мужества и самодоверия... Мораль не является уже более выражением условий, необходимых для жизни и роста народа, его глубочайшего инстинкта жизни, но, сделавшись абстрактною, становится противоположностью жизни, – мораль как коренное извращение фантазии, «дурной глаз» по отношению к миру. Что такое еврейская, что такое христианская мораль? Случай, лишённый своей невинности, несчастье, осквернённое понятием «греха», благосостояние как опасность, как «искушение», физиологически плохое самочувствие, отравленное червем совести.

26

Понятие о Боге извращено; понятие о морали извращено: но на этом не остановилось еврейское жречество. Можно было обойтись и без всей истории Израиля: прочь её... Эти жрецы устроили чудо из искажения, документальным доказательством которого является перед нами добрая часть Библии: прошлое собственного народа они перенесли в религию с полным надругательством над всяким преданием, над всякой исторической действительностью, иначе говоря, сделали из этого прошлого тупой механизм спасения, соединивши вину против Иеговы с наказанием, благочестие с наградой. Этот позорнейший акт исторического извращения мы чувствовали бы гораздо болезненнее, если бы тысячелетнее церковное истолкование истории не притупило в нас требования к честности *in historicis* [40]. А церкви вторили философы: ложь «нравственного миропорядка» проходит через всё развитие даже новейшей философии. Что означает «нравственный миропорядок»? То, что раз навсегда существует Божья воля на то, что человек может делать и чего не может, что ценность народа и отдельной личности измеряется тем, как много или мало он повинуетсЯ Божьей воле; что в судьбах народа и отдельной личности воля Божья оказывается господствующей, т. е. наказывающей и награждающей, сообразно со степенью послушания. – Действительность вместо этой жалкой лжи гласит: тот человек – паразит, который преуспевает на счёт всего здорового в жизни, т. е. жрец, злоупотребляет именем Бога: такое положение вещей, при котором жрец определяет ценности, он называет «Царством Божьим», средство, при помощи которого достигается или поддерживается такое состояние, он называет «волей Божьей»; с хладнокровным цинизмом мерит он народы, времена, отдельные личности меркою полезности или вреда для власти жрецов. В самом деле: в руках еврейских жрецов великое время истории Израиля сделалось временем упадка; изгнание, продолжительное несчастье, обратилось в вечное наказание за прошлые великие времена, за те времена, когда жрец ещё был ничем. Из сильных, весьма свободных, удачных образов истории Израиля они сделали, сообразуясь с потребностями, жалких проныр и ханжей или «безбожников»; психологию всякого великого события они упростили идиотской формулой "послушания или непослушания Богу". Ещё шаг далее: «Божья воля» (т. е. условие для поддержания власти жреца) должна быть известна, – для этой цели необходимо «откровение». По-немецки: является необходимость в великой литературной фальсификации – открывается «Священное Писание»; оно делается публичным со всей иерархической помпой, с покаянными днями, с воплями горести о «грехах». «Воля Божья» уже давно известна: вся беда в том, что чуждаются «Священного Писания»... Уже Моисей [41] открыл «волю Божью»... Что же произошло? Раз навсегда, со строгостью, с педантизмом, формулировал жрец, что хочет он иметь, «в чём Божья воля», вплоть до больших и малых податей, которые должны были платить ему (не были забыты и самые вкусные куски мяса, так как жрец есть пожиратель бифштексов)... И с тех пор вся жизнь устраивается так, что нигде нельзя обойтись без жреца; во всех естественных событиях жизни – при рождении, браке, болезни, смерти, не говоря о «жертве» (трапезе), – является священный паразит, чтобы лишить всё это естественности, «освятить» их, выражаясь его языком... Ибо нужно же понять это; всякий естественный обычай, всякое естественное учреждение (государство, судоустройство, брак, попечение о бедных и больных), всякое требование, исходящее от инстинкта жизни, – короче, все, что имеет свою цену в самом себе, через паразитизм жреца (или «нравственный миропорядок») в основе своей лишается ценности, становится противощенным, и даже более того: в дополнение требуется санкция, – необходима сообщающая ценность сила, которая, отрицая природу, сама создаёт ценность... Жрец обесценивает природу, лишает её святости: этой ценой он существует вообще. – Неповиновение Богу, т. е. жрецу, «закону», получает теперь имя «греха»; средствами для «примирения с Богом», само собой, являются такие средства, которые основательнее обеспечивают подчинение жрецу: только жрец «спасает». В каждом жречески организованном обществе психологически неизбежными делаются «грехи»: они факторы власти, жрец живёт грехами, он нуждается в том, чтобы «грешили»... Высшее положение: «Бог прощает тому, кто раскаивается»; по-немецки; кто подчиняется жрецу. -

27

На такой-то ложной почве, где всё естественное, всякая естественная ценность, всякая реальность возбуждала

против себя глубочайшие инстинкты господствующего класса, выросло христианство, самая острая форма вражды к реальности, которая только до сих пор существовала. «Святой народ», удержавший для всего только жреческие оценки, только жреческие слова, и с ужасающей последовательностью заклеивший всё, что на земле представляло ещё силу, словами «нечестивый», «мир», «грех», – этот народ выдвинул для своего инстинкта последнюю формулу, которая в своей логике доходила до самоотрицания: в лице христианства он отрицал последнюю форму реальности – он отрицал «святой народ», «избранный народ», самую иудейскую реальность. Случай первого ранга: маленькое мятежное движение, окрещённое именем Иисуса из Назарета, ещё раз представляет собою иудейский инстинкт, иначе говоря, жреческий инстинкт, который не выносит уже более жреца как реальность, который изобретает ещё более отвлечённую форму существования, ещё менее реальное представление о мире, чем то, которое обуславливается учреждением церкви. Христианство отрицает церковь... Я не понимаю, против чего иного могло направляться восстание, зачинщиком которого, по справедливости или по недоразумению, считается Иисус, если это не было восстанием против еврейской церкви, принимая «церковь» в том смысле, какой даётся этому слову теперь. Это было восстанием против «добрых и справедливых», против «святых Израиля», против общественной иерархии, – не против их испорченности, но против касты, привилегии, порядка, формулы, это было неверие в «высших людей», это было отрицание всего, что было жрецом и теологом. Но иерархия, которая всем этим хотя бы на одно мгновение подвергалась сомнению, была той свайей, на которой ещё продолжал удерживаться посреди «воды» иудейский народ, с трудом достигнутая последняя возможность уцелеть, residuum [42] его обособленного политического существования: нападение на неё было нападением на глубочайший инстинкт народа, на самую упорную народную волю к жизни, которая когда-либо существовала на земле. Этот святой анархист, вызвавший на противодействие господствующему порядку низший народ, народ изгнанных и «грешников», чандалы внутри еврейства, речами, которые, если верить Евангелию, ещё и теперь могли бы довести до Сибири, – он был политическим преступником, поскольку таковой возможен в обществе, до абсурда не политическом. Это привело его на крест: доказательством может служить надпись на кресте. Он умер за свою вину, – нет никакого основания утверждать, как бы часто это ни делали, что он умер за вину других. -

28

Совсем иной вопрос, сознавал ли он вообще этот антагонизм или лишь другие в нём его чувствовали. Здесь я впервые касаюсь проблемы психологии Спасителя. – Я признаюсь, что мало книг читаю с такими затруднениями, как Евангелия. Эти затруднения не те, в разъяснении которых учёная любознательность немецкого духа праздновала свой самый незабвенный триумф. Далеко то время, когда и я, подобно всякому молодому учёному, с благоразумной медлительностью утончённого филолога смаковал произведение несравненного Штрауса [43]. Тогда мне было 20 лет: теперь я слишком серьёзен для этого. Какое мне дело до противоречий «предания»? Как можно вообще назвать «преданием» легенду о святых? Истории святых – это самая двусмысленная литература, которая вообще только существует: применять научные методы там, где отсутствуют какие-либо документы, представляется мне с самого начала делом совершенно безнадёжным, учёным праздномыслием...

29

Что касается меня, то мне интересен психологический тип Спасителя. Он мог бы даже удержаться в Евангелиях, вопреки Евангелиям, как бы его ни калечили и какими бы чуждыми чертами его ни наделяли: так удержался тип Франциска Ассизского в легендах о нём, вопреки этим легендам. Истина не в том, что он сделал, что сказал, как он собственно умер; но важен вопрос, можно ли представить его тип, даются ли «преданием» черты для его представления. Я знаю попытку вычитать из Евангелия даже историю «души»; это представляется мне доказательством психологического легкомыслия, достойного презрения. Господин Ренан, этот гаер *in psychologicis*, для объяснения типа Иисуса дал два самых неуместных понятия, какие только возможны: понятие гений и понятие герой (*heros*). Но что только можно назвать неевангельским, так это именно понятие «герой». Как раз всё, противоположное борьбе, противоположное самочувствию борца, является здесь как инстинкт: неспособность к противодействию делается здесь моралью («не противься злему» – глубочайшее слово Евангелия, его ключ в известном смысле); блаженство в мире, в кротости, в неспособности быть врагом. Что такое «благовестие»? – Найдена истинная жизнь, вечная жизнь – она не только обещается, но она тут, она в вас: как жизнь в любви, в любви без уступки и исключения, без дистанции. Каждый есть дитя Божье – Иисус ни на что не имеет притязания для себя одного, – как дитя Божье, каждый равен каждому... И из Иисуса делать героя! – А что за недоразумение со словом «гений»? Всё наше понятие о «духе», целиком культурное понятие, – в том мире, в котором живёт Иисус, не имеет никакого смысла. Говоря со строгостью физиолога, здесь было бы уместно совершенно иное слово, слово «идиот». Мы знаем состояние болезненной раздражительности чувства осязания, которое производит содрогание при всяком дотрагивании, при всяком прикосновении твёрдого предмета. Представим подобный физиологический *habitus* [44] в его последнем логическом выражении: как инстинкт ненависти против всякой реальности, как бегство в «непостижимое», в «необъяснимое», как отвращение от всякой формулы, от всякого понятия, связанного с временем и пространством, от всего, что

твёрдо, что есть обычаи, учреждения, церкви, как постоянное пребывание в мире, который не соприкасается более ни с каким родом реальности, в мире лишь «внутреннем», «истинном», «вечном». "Царство Божье внутри вас".

30

Инстинктивная ненависть против реальности: это есть следствие крайней чувствительности к страданию и раздражению, избегающей вообще всякого «прикосновения», потому что оно ощущается ею слишком глубоко. Инстинктивное отвращение от всякого нерасположения, от всякой вражды, от всех границ и расстояний в чувстве: следствие крайней чувствительности к страданию и раздражению, которая всякое противодействие, всякую необходимость противодействия ощущает как невыносимое отвращение (т. е. как вредное, как отрицаемое инстинктом самосохранения), блаженство же своё (удовольствие) видит в том, чтобы ничему и никому не оказывать противодействия – ни злу, ни злему, – любовь, как единственная, как последняя возможность жизни...

Это две физиологические реальности, на которых, из которых выросло учение спасения. Я называю их высшим развитием гедонизма, на вполне болезненной основе. Близкородственным ему, хотя с большим придатком греческой жизненности и нервной силы, является эпикуреизм, языческое учение спасения. Эпикур [45] – типичный *decadent*, впервые признанный таковым мною. – Боязнь боли, даже бесконечно малого в боли, не может иметь иного конца, как только в религии любви.

31

Я предвосхитил свой ответ на проблему. Предпосылкой для него является то, что тип Спасителя мы получили только в сильном искажении. Это искажение само по себе очень правдоподобно. Такой тип по многим основаниям не мог остаться чистым, цельным, свободным от примесей. На нём должна была оставить следы и среда, в которой вращался этот чуждый образ, ещё более история, судьба первой христианской общины: она обогатила этот тип такими чертами, которые делаются понятными только в целях борьбы или пропаганды. Тот странный и больной мир, в который вводят нас Евангелия, – мир как бы из одного русского романа, где сходятся отбросы общества, нервное страдание и «ребячество» идиота, – этот мир должен был при всех обстоятельствах сделать тип более грубым: в особенности первые ученики, чтобы хоть что-нибудь понять, переводили это бытие, расплывающееся в символическом и непонятном, на язык собственной грубости, – для них тип существовал только после того, как он отлился в более знакомые формы... Пророк, Мессия, будущий судья, учитель морали, чудотворец, Иоанн Креститель [46], – вот сколько было обстоятельств, чтобы извратить тип... Наконец, не будем низко оценивать *progrès* [47] всякого великого почитания, в особенности сектантского почитания: оно сглаживает оригинальные, часто мучительно-чуждые, черты и идиосинкразии в почитаемом существе – оно даже их не видит. Можно было бы пожалеть, что вблизи этого интереснейшего из *decadents* не жил какой-нибудь Достоевский, т. е. кто-либо, кто сумел бы почувствовать захватывающее очарование подобного смешения возвышенного, больного и детского. Ещё одна точка зрения: тип мог бы, как тип *decadence*, фактически совмещать в себе многое и противоречивое: такая возможность не исключается вполне. Однако всё говорит против этого именно: предание должно было бы в этом случае быть вполне верным и объективным – а всё заставляет предполагать противоположное. Обнаруживается зияющее противоречие между проповедником на горах, море и лугах, появление которого так же приятно поражает, как появление Будды, хотя не на индийской почве, и тем фанатиком нападения, смертельным врагом теологов и жрецов, которого злость Ренана прославила как «*le grand maître en ironie*» [48]. Я сам не сомневаюсь в том, что обильная мера желчи (и даже *esprit* [49]) перелилась в тип учителя из возбуждённого состояния христианской пропаганды: достаточно известна беззастенчивость всех сектантов, которые стряпают себе апологию из своего учителя. Когда первой общине понадобился судящий, сварливый, гневающийся, злостный, хитрый теолог против теолога, она создала себе по своим потребностям своего «Бога»: без колебания она вложила в его уста те вполне не евангельские понятия, без которых она не могла обойтись, каковы: «будущее Пришествие», «Страшный суд», всякий род ожидания и обещания.

32

Ещё раз говорю, что я против того, чтобы в тип Спасителя вносить фанатизм: слово *impérieux* [50], которое употребил Ренан, одно уничтожает тип. «Благовестие» и есть именно благая весть о том, что уже не существует более противоречий; Царство Небесное принадлежит детям; вера, которая здесь заявляет о себе, не приобретается завоеванием; она тут, она означает возвращение к детству в области психического. Подобные случаи замедленной зрелости и недоразвитого организма, как следствия дегенерации, известны но крайней мере физиологам. – Такая вера не гневается, не порицает, не обороняет себя: она не приносит «меч», она не предчувствует, насколько она может сделаться началом разъединяющим. Она не нуждается в доказательствах ни

чудом, ни наградой и обещанием, ни «даже писанием»: она сама всякое мгновение есть своё чудо, своя награда, своё доказательство, своё «Царство Божье». Эта вера даже не формулирует себя – она живёт, она отвергается от формул. Конечно, случайность среды, языка, образования определяет круг понятий: первое христианство владеет только иудейско-семитическими понятиями (сюда относится еда и питьё при причастии, которыми так злоупотребляет церковь, как всем еврейским). Но пусть остерегаются видеть здесь что-нибудь более чем язык знаков, семиотику, повод для притчи. Ни одно слово этого анти-реалиста не должно приниматься буквально, – вот предварительное условие для того, чтобы он вообще мог говорить. Между индусами он пользовался бы понятиями Санкхьи [51], среди китайцев – понятиями Лао-цзы [52], и при этом не чувствовал бы никакой разницы. – Можно было бы с некоторой терпимостью к выражению назвать Иисуса «свободным духом» – для него не существует ничего устойчивого: слово убивает; всё, что устойчиво, то убивает. Понятие «жизни», опыт «жизни», какой ему единственно доступен, противится у него всякого рода слову, формуле, закону, вере, догме. Он говорит только о самом внутреннем: «жизнь», или «истина», или «свет» – это его слово для выражения самого внутреннего; всё остальное, вся реальность, вся природа, даже язык, имеет для него только ценность знака, притчи. – Здесь нельзя ошибаться насчёт того, как велик соблазн, который лежит в христианском, точнее сказать, в церковном предрассудке: такой символист *par excellence* стоит вне всякой религии, всех понятий культа, всякой истории, естествознания, мирового опыта, познания, политики, психологии, вне всяких книг, вне искусства, – его «знание» есть чистое безумие [53], не ведающее, что есть что-нибудь подобное. О культуре он не знает даже и понаслышке, ему нет нужды бороться против неё, он её не отрицает... То же самое по отношению к государству, ко всему гражданскому порядку и обществу, к труду, к войне, – он никогда не имел основания отрицать «мир»; он никогда не предчувствовал церковного понятия «мир»... Отрицание для него есть нечто совершенно невозможное. – Подобным же образом нет и диалектики, нет представления о том, что веру, «истину» можно доказать доводами (его доказательства – это внутренний «свет», внутреннее чувство удовольствия и самоутверждения, только «доказательства от силы»). Такое учение также не может противоречить, оно не постигает, что существуют, что могут существовать другие учения, оно не умеет представить себе противоположное рассуждение... Где бы оно ни встретилось с ним, оно будет печалиться с самым глубоким сочувствием о «слепоте» – ибо оно само видит «свет» – но не сделает никакого возражения.

33

Во всей психологии «Евангелия» отсутствует понятие вины и наказания; равно как и понятие награды. «Грех», всё, чем определяется расстояние между Богом и человеком, уничтожен, – это и есть «благовестие». Блаженство не обещается, оно не связывается с какими-нибудь условиями: оно есть единственная реальность; остальное – символ, чтобы говорить о нём...

Следствие подобного состояния проецируется в новую практику, собственно в евангельскую практику. Не «вера» отличает христианина. Христианин действует, он отличается иным образом действий. Ни словом, ни в сердце своём он не противодействует тому, кто обнаруживает зло по отношению к нему. Он не делает различия между чужим и своим, между иудеем и не иудеем («ближний» в собственном смысле слова есть иудей, единоведец). Он ни на кого не гневается, никого не презирает. Он не появляется на суде и не позволяет привлекать себя к суду («не клянись вовсе»). Он ни при каких обстоятельствах не разведётся с женой, даже в случае доказанной неверности её. – Всё в основе – один принцип, всё – следствие одного инстинкта.

Жизнь Спасителя была не чем иным, как этой практикой, не чем иным была также и его смерть. Он не нуждался более ни в каких формулах, ни в каком обряде для обхождения с Богом, ни даже в молитве. Он всецело отрешился от иудейского учения раскаяния и примирения; он знает, что это есть единственная жизненная практика, с которой можно себя чувствовать «божественным», «блаженным», «евангелическим», во всякое время быть как «дитя Божье». Не «раскаяние», не «молитва о прощении» суть пути к Богу: одна евангельская практика ведёт к Богу, она и есть «Бог»! – То, с чем покончило Евангелие, это было иудейство в понятиях «грех», «прощение греха», «вера», «спасение через веру», – всё иудейское учение церкви отрицалось «благовестием».

Глубокий инстинкт, как должно жить, чтобы чувствовать себя на «небесах», чтобы чувствовать себя «вечным», между тем как при всяком ином поведении совсем нельзя чувствовать себя «на небесах», – это единственно и есть психологическая реальность «спасения». – Новое поведение, но не новая вера...

34

Если я что-нибудь понимаю в этом великом символизме, так это то, что только внутренние реальности он принимал как реальности, как «истины», – что остальное всё, естественное, временное, пространственное, историческое, он понимал лишь как символ, лишь как повод для притчи. Понятие «Сын Человеческий» не есть конкретная личность, принадлежащая истории, что-нибудь единичное, единственное, но «вечная» действительность, психологический символ, освобождённый от понятия времени. То же самое, но в ещё более высоком смысле можно сказать и о Боге этого типичного символиста, о «Царстве Божьем», о «Царстве

Небесном», о «Сыновности Бога». Ничего нет более не христианского, как церковные грубые понятия о Боге как личности, о грядущем «Царстве Божьем», о потустороннем «Царстве Небесном», о «Сыне Божьем», втором лице св. Троицы. Всё это выглядит – мне простят выражение – неким кулаком в глаз: о, в какой глаз! – евангельский: всемирно-исторический цинизм в поругании символа... А между тем очевидно, как на ладони, что затрагивается символами «Отец» и «Сын», – допускаю, что не на каждой ладони: словом «Сын» выражается вступление в чувство общего просветления (блаженство); словом «Отец» – само это чувство, чувство вечности, чувство совершенства. – Мне стыдно вспомнить, что сделала церковь из этого символизма: не поставила ли она на пороге христианской «веры» историю Амфитриона [54]? И ещё сверх того догму о «непорочном зачатии»?.. Но этим она опорочила зачатие...

«Царство Небесное» есть состояние сердца, а не что-либо, что «выше земли» или приходит «после смерти». В Евангелии недостаёт вообще понятия естественной смерти: смерть не мост, не переход, её нет, ибо она принадлежит к совершенно иному, только кажущемуся, миру, имеющему лишь символическое значение. «Час смерти» не есть христианское понятие. «Час», время, физическая жизнь и её кризисы совсем не существуют для учителя «благовестия»... «Царство Божье» не есть что-либо, что можно ожидать; оно не имеет «вчера» и не имеет «послезавтра», оно не приходит через «тысячу лет» – это есть опыт сердца; оно повсюду, оно нигде...

35

Этот «благовестник» умер, как и жил, как и учил, – не для «спасения людей», но чтобы показать, как нужно жить. То, что оставил он в наследство человечеству, есть практика, его поведение перед судьями, преследователями, обвинителями и всякого рода клеветой и насмешкой – его поведение на кресте. Он не сопротивляется, не защищает своего права, он не делает ни шагу, чтобы отвратить от себя самую крайнюю опасность, более того – он вызывает её... И он молит, он страдает, он любит с теми, в тех, которые делают ему зло. В словах, обращённых к разбойнику на кресте, содержится всё Евангелие. "Воистину это был Божий человек, Сын Божий!" – сказал разбойник. "Раз ты чувствуешь это, – ответил Спаситель, – значит, ты в Раю, значит, ты сын Божий". Не защищаться, не гневаться, не привлекать к ответственности... Но также не противиться злему, – любить его...

36

– Только мы, ставшие свободными умы, имеем подготовку, чтобы понять то, чего не понимали девятнадцать веков, – мы имеем правдивость, обратившуюся в инстинкт и страсть и объявляющую войну «святой лжи» ещё более, чем всякой иной лжи... Люди были несказанно далеки от нашего нейтралитета, полного любви и предусмотрительности, от той дисциплины духа, при помощи которой единственно стало возможным угадывание столь чуждых, столь тонких вещей: во все иные времена люди с бесстыдным эгоизмом желали только своей выгоды; воздвигли церковь в противоположность Евангелию...

Кто искал бы знамений того, что позади великой игры миров скрыт перст какого-то насмешливого божества, тот нашёл бы не малое доказательство в том чудовищном вопросительном знаке, который зовётся христианством. Что человечество преклоняется перед противоположностью того, что было происхождением, смыслом, правом Евангелия, что оно в понятии «церковь» признало за святое как раз то, что «благовестник» чувствовал стоящим ниже себя, позади себя, – напрасно искать большего проявления всемирно-исторической иронии...

37

– Наш век гордится своим историческим чувством; как можно было поверить такой бессмыслице, что в начале христианства стоит грубая басня о чудотворце и Спасителе, – и что всё духовное и символическое есть только позднейшее развитие? Наоборот: история христианства – и именно от смерти на кресте – есть история постепенно углубляющегося грубого непонимания первоначального символизма. С распространением христианства на более широкие и грубые массы, которым не доставало все более и более источников христианства, – становилось всё необходимее делать христианство вульгарным, варварским, – оно поглотило в себя учения и обряды всех подземных культов *imperiū Romanum* [55], всевозможную бессмыслицу большого разума. Судьба христианства лежит в необходимости сделать самую веру такой же болезненной, низменной и вульгарной, как были болезненны, низменны и вульгарны потребности, которые оно должно было удовлетворять. Больное варварство суммируется наконец в силу в виде церкви, этой формы, смертельно враждебной всякой правдивости, всякой высоте души, всякой дисциплине духа, всякой свободно настроенной и благожелательной гуманности. – Христианские ценности – аристократические ценности. Только мы, ставшие свободными умы, снова восстановили эту величайшую из противоположностей, какая только когда-либо существовала между ценностями! –

38

– Здесь я не могу подавить вздоха. Бывают дни, когда меня охватывает чувство чёрной, самой чёрной меланхолии, – это презрение к человеку. Чтобы не оставить никакого сомнения в том, что я презираю, кого я презираю, – это теперешнего человека, человека, которому я роковым образом являюсь современником. Теперешний человек – я задыхаюсь в его нечистом дыхании... По отношению к прошедшему я, как и все познающие, обладаю большой терпимостью, так сказать великодушным самопринуждением: с мрачной осмотрительностью прохожу я через мир, в течение целых тысячелетий представляющий собою сумасшедший дом, называется ли этот мир «христианством», «христианской верой» или «христианской церковью», – я остерегаюсь делать человечество ответственным за его душевные болезни. Но чувство моё возмущается, отвращается, как только я вступаю в новейшее время, в наше время. Наше время есть время знания... Что некогда было только болезненным, теперь сделалось неприличным – неприлично теперь быть христианином. Вот тут-то и начинается моё отвращение. – Я осматриваюсь вокруг: не осталось более ни одного слова из того, что некогда называлось «истина», нам просто неведомо уже одно только выговаривание жрецом слова «истина». Даже при самом скромном притязании на честность, должно теперь признать, что теолог, жрец, папа, с каждым положением, которое он высказывает, не только заблуждается, но лжёт; что он уже не волен лгать по «невинности», по «незнанию». Жрец знает так же хорошо, как и всякий, что нет никакого «Бога», никакого «грешника», никакого «Спасителя», – что «свободная воля», «нравственный миропорядок» есть ложь: серьёзность, глубокое самопреодоление духа никому более не позволяет не знать этого... Все понятия церкви опознаны за то, что они есть, т. е. за самую злостную фабрикацию фальшивых монет, какая только возможна, с целью обесценить природу, естественные ценности; сам жрец признан таковым, каков он есть, т. е. опаснейшим родом паразита, настоящим ядовитым пауком жизни... Мы знаем, наша совесть знает теперь, какова вообще цена тех зловещих изобретений жрецов и церкви, для чего служили эти изобретения, при помощи которых человечество достигло того состояния самораствления, вид которого внушает отвращение: понятия «по ту сторону», «Страшный суд», «бессмертие души», сама «душа» – это орудия пытки, это системы жестокостей, при помощи которых жрец сделался господином и остался таковым... Каждый это знает; и, несмотря на это, всё остаётся по-старому. Куда девались остатки чувства приличия, уважения самих себя, когда даже наши государственные люди, в других отношениях очень беззащитные люди и фактически насквозь антихристиане, ещё и теперь называют себя христианами и идут к причастию? Юный государь во главе полков, являясь в своём великолепии выражением эгоизма и высокомерия своего народа, признаёт без всякого стыда себя христианином!.. Но тогда кого же отрицает христианство? что называет оно «миром»? Солдата, судью, патриота, всё, что защищается, что держится за свою честь, что ищет своей выгоды, что имеет гордость... Всякая практика каждого момента, всякий инстинкт, всякая оценка, переходящая в дело, – всё это теперь антихристианское: каким вырождением фальшивости должен быть современный человек, если он, несмотря на это, не стыдится ещё называться христианином!..

39

– Я возвращаюсь, я рассказываю истинную историю христианства. – Уже слово «христианство» есть недоразумение, – в сущности был только один христианин, и он умер на кресте [56]. «Евангелие» умерло на кресте. То, что с этого мгновения называется «Евангелием», было уже противоположностью его жизни: "дурная весть", *Dysangelium*. До бессмыслицы лживо в «вере» видеть приметку христианина, хотя бы то была вера в спасение через Христа; христианской может быть только христианская практика, т. е. такая жизнь, какую жил тот, кто умер на кресте... Ещё теперь возможна такая жизнь, для известных людей даже необходима: истинное, первоначальное христианство возможно во все времена. Не верить, но делать, а прежде всего многого не делать, иное бытие... Состояния сознания, когда веришь или считаешь что-нибудь за истинное, – каждый психолог знает это, – такие состояния совершенно незначительны и пятистепенны по сравнению с ценностью инстинктов: строго говоря, всё понятие духовной причинности ложно. Сводить христианское настроение лишь к признанию истины, к голому состоянию сознания – значит отрицать христианство. На самом деле вовсе не было христиан. «Христианин», то, что в течение двух тысячелетий называется христианином, есть психологическое самонедоразумение. Если смотреть прямее, то в нём господствовали, вопреки всякой вере, только инстинкты – и что за инстинкты! – «Вера» была во все времена, как у Лютера, только мантией, предлогом, завесой, за которой инстинкты разыгрывали свою игру, – благоразумная слепота относительно господства известных инстинктов. «Вера» – я уже называл её собственно христианским благоразумием, – всегда говорили о «вере», действовали же по инстинкту... В мире представлений христианина нет ничего, что хотя бы только касалось действительности: напротив, в корне христианства мы признали единственным деятельным элементом инстинктивную ненависть ко всякой действительности. Что из этого следует? То, что здесь *in psychologicis* заблуждение является радикальным, т. е. значимым по существу, т. е. самой субстанцией. Удалим одно понятие, поставим на место его одну-единственную реальность, и всё христианство низвергается в ничто! – Если смотреть с высоты, то это самый странный из всех фактов: эта религия, не только обусловленная заблуждениями, но и до гениальности изобретательная во вредных, отравляющих жизнь и сердце заблуждениях, эта религия остаётся зрелищем для

богов, для тех божеств, которые вместе с тем и философы и с которыми я, например, встречался в знаменитых диалогах на Наксосе [57]. В то мгновение, когда отступает от них отвращение (и от нас также!), они проникаются благодарностью за зрелище христианина: жалкая, маленькая звезда, называемая Землёй, быть может, только ради этого курьёзного случая заслуживает божественного взгляда, божественного участия... Не будем же низко ценить христианина; христианин, фальшивый до невинности, высоко поднимается над обезьяной; по отношению к христианину знаменитая теория происхождения – только учтивость...

40

– Судьба Евангелия была решена смертью, оно было распято на «кресте». Только смерть, эта неожиданная позорная смерть, только крест, который вообще предназначался лишь для *canaille* [58], – только этот ужаснейший парадокс поставил учеников перед настоящей загадкой: «кто это был? что это было?» Потрясённое и до глубины оскорблённое чувство, подозрение, что такая смерть может быть опровержением их дела, страшный вопросительный знак «почему именно так?» – такое состояние слишком понятно. Здесь всё должно было быть необходимо, всё должно было иметь смысл, разум, высший разум; любовь ученика не признаёт случайности. Теперь только разверзлась пропасть: "кто его убил? кто был его естественным врагом?" – этот вопрос блеснул, как молния. Ответ: господствующее иудейство, его высшее сословие. С этого мгновенья почувствовали в себе возмущение против порядка, вслед за тем поняли и Иисуса, как возмущение против порядка. До сих пор в его образе недоставало этой черты – воинственной, отрицающей словом и делом; даже более, в нём было обратное этому. Очевидно, маленькая община именно не поняла главного, символического в таком способе смерти, свободу, превосходство над всяким чувством *ressentiment*: признак того, как мало вообще они его понимали! Сам Иисус ничего не мог пожелать в своей смерти, как только открыто дать сильнейший опыт, доказательство своего учения. Но его ученики были далеки от того, чтобы простить эту смерть, – что было бы в высшей степени по-евангельски, – или отдать себя такой же смерти с нежным и мягким спокойствием души... Всплыло наверх как раз в высшей степени неевангельское чувство, чувство мести. Сделалось невозможным, чтобы дело окончилось с этой смертью: явилась нужда в «возмездии», в «суде» (и, однако, что может быть более неевангельским, чем «возмездие», «наказание», «суд»!). Ещё раз явилось на переднем плане популярное ожидание Мессии; исторический момент был уловлен; «Царство Божье» наступит, чтобы судить его врагов... Но этим всё сделалось непонятным: «Царство Божье» как заключительный акт, как обещание! Евангелие было именно бытие, исполнение, действительность этого Царствия. Именно такая смерть была как раз «Царством Божьим». Теперь только включили в тип учителя всё презрение и горечь к фарисеям и теологам и этим сделали из него фарисея и теолога. С другой стороны, необузданное прославление этих совершенно выскочивших из колеи душ не выдерживало более того евангельского утверждения равенства всех как детей Божьих, которому учил Иисус; мстью их было неумеренно поднять Иисуса, отделить его от себя: совершенно так, как некогда иудеи из мести к своим врагам отделились от своего Бога и подняли его на высоту. Один Бог и один Сын Божий: оба порождения *ressentiment*...

41

– И вот теперь всплыла абсурдная проблема: "как мог Бог допустить это!" На это повреждённый разум маленькой общины дал такой же поистине ужасный по своей абсурдности ответ: Бог отдал своего Сына для искупления грехов, как жертву. Так разом покончили с Евангелием! Очистительная жертва, и притом в самой отвратительной, в самой варварской форме, жертва невинным за грехи виновных! Какое страшное язычество! Иисус уничтожил даже самое понятие «вины», он совершенно отрицал пропасть между Богом и человеком, он жизнью своей представил это единство Бога и человека как своё «благовестие»... А не как преимущество! – С этого времени шаг за шагом в тип Спасителя внедряется учение о Суде и Втором Пришествии, учение о смерти как жертвенной смерти, учение о Воскресении, с которым из Евангелия фокуснически изымается всё понятие «блаженства», единственная его реальность, в пользу состояния после смерти!.. Павел со всей наглостью раввина, которая так ему присуща, дал этому пониманию, этому распутству мысли, такое логическое выражение: "если Христос не воскрес, то вера наша тщетна" [59]. – И разом из Евангелия вышло самое презренное из всех неисполнимых обещаний, – бесстыдное учение о личном бессмертии... Павел учил о нём даже как о награде!..

42

Теперь уже видно, чему положила конец смерть на кресте: новому, самобытному стремлению к буддистскому спокойствию, к действительному, а не только обещанному счастью на земле. Ибо – как я уже указывал – основным различием между обеими религиями-*decadence* остаётся то, что буддизм не обещает, но исполняет, христианство же обещает всё, но не исполняет ничего. – За «благой вестью» последовала по пятам весть самая скверная: весть Павла. В Павле воплотился тип, противоположный «благовестнику», гений в ненависти, в

видениях ненависти, в неумолимой логике ненависти. Чего только не принёс этот dysangelist в жертву своей ненависти! Прежде всего Спасителя: он распял его на своём кресте. Жизнь, пример, учение, смерть, смысл и право всего Евангелия – ничего более не осталось, когда этот фальшивомонетчик путём ненависти постиг, в чём единственно он нуждается. Не в реальности, не в исторической истине!.. И ещё раз жреческий инстинкт иудея учинил то же великое преступление над историей, – он просто вычеркнул вчера, позавчера христианства, он изобрёл историю первого христианства. Даже более: он ещё раз извратил историю Израиля, чтобы представить её как предварительную историю для своего дела; все пророки говорили о его «Спасителе»... Церковь извратила позже даже историю человечества, обратив её в предысторию христианства... Тип Спасителя, учение, практика, смерть, смысл смерти, даже то, что было после смерти, – ничто не осталось неприкосновенным, ничто не осталось даже напоминающим действительность. Павел просто переложил центр тяжести всего того бытия за это бытие – в ложь о «воскресшем» Иисусе. В сущности, ему не нужна была жизнь Спасителя – ему нужна была смерть на кресте и кое-что ещё... Поистине, было бы явной *piaiserie* со стороны психолога доверять Павлу, родиной которого была столица стоического просвещения [60], когда он выдавал за доказательство посмертной жизни Спасителя галлюцинацию, или доверять хотя бы даже его рассказу, что он имел эту галлюцинацию: Павел хотел цели, следовательно, он хотел и средства... Во что не верил он сам, в то верили те идиоты, среди которых он сеял своё учение. – Его потребностью была власть; при помощи Павла ещё раз жрец захотел добиться власти, – ему нужны были только понятия, учения, символы, которыми тиранизируют массы, образуют стада. Что единственно заимствовал позже Магомет у христианства? Изобретение Павла, его средство к жреческой тирании, к образованию стада: веру в бессмертие, т. е. учение о «Суде»...

43

Когда жизненный центр тяжести переносят из жизни в «потустороннее» – в ничто, то тем самым вообще лишают жизнь центра тяжести. Великая ложь о личном бессмертии разрушает всякий разум, всякую естественность в инстинктах; всё, что есть в инстинктах благодетельного, что способствует жизни, ручается за будущее, – возбуждает теперь недоверие. Жить так, чтобы не было более смысла жить, – это становится теперь «смыслом» жизни... К чему дух общности, к чему ещё благодарность за происхождение и предков, к чему работать вместе, к чему доверять, к чему способствовать общему благу и иметь его в виду?.. Всё это «соблазны», всё это отклонения от «истинного пути» – "единое есть на потребу"... Чтобы каждый, как «бессмертная душа», был равен каждому, чтобы в совокупности всего живущего «спасение» каждой отдельной единицы смело претендовать на вечность, чтобы маленькие святоши и на три четверти чокнутые смели воображать, что ради них постоянно нарушаются законы природы, такое беззастенчивое возведение всякого рода эгоизма в бесконечное, в бесстыдное, надо клеймить презрением в полной мере. И однако же, христианство обязано своей победой именно этому жалкому тщеславию отдельной личности, – как раз этим самым оно обратило к себе всех неудачников, настроенных враждебно к жизни, потерпевших крушение, все отребья и отбросы человечества. «Спасение души» по-немецки: "мир вращается вокруг меня"... Яд учения "равные права для всех" христианство посеяло самым основательным образом. Из самых тайных уголков дурных инстинктов христианство создало смертельную вражду ко всякому чувству благоговения и почтительного расстояния между человеком и человеком, которое является предусловием для всякого повышения и роста культуры, – из *ressentiment* масс оно выковало главное орудие против нас, против всего благородного, радостного, великодушного на земле, против нашего счастья на земле... «Бессмертие», признаваемое за каждым Петром и Павлом, было до сего времени величайшим и злостнейшим посягательством на аристократию человечества... – И не будем низко ценить то роковое влияние, которое от христианства пробралось в политику! Никто теперь не имеет более мужества заявлять об особых правах, о правах господства, о чувстве почтения к себе, к другому, нет более пафоса дистанции... Наша политика болеет этим недостатком мужества! – Аристократизм настроения ложью о равенстве душ погребён окончательно; и если вера в «право большинства» делает революции и будет их делать, то нельзя сомневаться в том, что это – христианство, христианские суждения ценности, которые каждая революция только переводит в кровь и преступление! Христианство есть восстание всего по-земле-пресмыкающегося против того, что над ней возвышается: Евангелие «низших» унижает...

44

– Евангелия неоценимы, как свидетельства уже неудержимой коррупции внутри первых общин. То, что позже Павел с логическим цинизмом раввина довёл до конца, было лишь процессом распада, начавшегося со смертью Спасителя. – При чтении этих Евангелий нужно быть как можно более осторожным: за каждым словом встречается затруднение. Я признаюсь, – и меня поддержат – что именно этим они доставляют психологу первостепенное удовольствие, – как противоположность всякой наивной испорченности, как утончённость *par excellence*, – как виртуозность в психологической испорченности. Евангелия ручаются сами за себя. Библия вообще стоит вне сравнения. Чтобы не потеряться здесь совершенно, прежде всего нужно помнить, что ты среди евреев. Игра в «святое», достигшая здесь такой гениальности, какой не достигала она нигде в другом месте – ни

в книгах, ни среди людей, – жульничество в словах и жестах, как искусство, – это не есть случайность какой-нибудь единичной одарённости, какой-нибудь исключительной натуры. Это принадлежность расы. В христианстве, как искусстве свято лгать, всё иудейство, вся наистрожайшая многовековая иудейская выучка и техника доходят до крайних пределов мастерства. Христианин, этот ultima ratio [61] лжи, есть иудей во второй, даже третьей степени... Основная воля, направляемая только на то, чтобы обращаться с такими понятиями, символами, телодвижениями, которые доказываются из практики жреца, инстинктивное уклонение от всякой другой практики, от перспектив всякого иного рода оценок и полезностей – это не только традиция, это наследственность: лишь как наследственное действует оно, как природа. Все человечество, даже лучшие умы лучших времен (исключая одного, который, может быть, единственный – не человек) позволяли себя обманывать. Евангелие читали как книгу невинности... ни малейшего указания на то, с каким мастерством ведётся здесь игра. – Конечно, если бы мы видели их, даже хотя бы мимоходом, всех этих удивительных лицемеров и фокусников-святых, то с ними было бы покончено – и именно потому, что я не читаю ни одного слова без того, чтобы не видеть жестов, я и покончил с ними... Я не выношу по отношению к ним известного способа смотреть снизу вверх. – К счастью, книги для большинства есть только литература. Нельзя позволять вводить себя в заблуждение: «не судите!» – говорят они, но сами посылают в ад всё, что стоит у них на пути. Препоручая суд Богу, они судят сами; прославляя Бога, они прославляют самих себя; требуя тех добродетелей, которые как раз им свойственны, – даже более, которые им необходимы, чтобы вообще не пойти ко дну, – они придают себе величественный вид борьбы за добродетель, борьбы за господство добродетели. "Мы живём, мы умираем, мы жертвуем собою за благо" («Истина», «Свет», «Царство Божье»); в действительности же они делают то, чего не могут не делать. Сидя в углу, ёжась, как крот, живя в тени, как призрак, – они создают себе из этого обязанность: по обязанности жизнь их является смирением, как смирение она есть лишнее доказательство благочестия... Ах, этот смиренный, целомудренный, мягкосердый род лжи! – «За нас должна свидетельствовать сама добродетель»... Читайте Евангелия, как книги соблазна при посредстве морали: эти маленькие люди конфискуют мораль, – они знают, как нужно обращаться с моралью! Люди всего лучше водятся за нос моралью! – реальность заключается в том, что здесь самое сознательное самоомнение избранных разыгрывает скромность: себя, «общину», «добрых и справедливых» раз навсегда поставили на одну сторону, на сторону «истины», а всё остальное, «мир», – на другую... Это был самый роковой род мании величия, какой когда-либо до сих пор существовал на земле: маленькие выродки святош и лжецов стали употреблять понятия «Бог», «истина», «свет», «дух», «любовь», «мудрость», «жизнь» как синонимы самих себя, чтобы этим отграничить от себя «мир»; маленькие евреи в суперлативе, зрелые для любого сумасшедшего дома, перевернули все ценности сообразно самим себе, как будто «христианин» был смыслом, солью, мерой, а также последним судом всего остального... Вся дальнейшая судьба предопределилась тем, что в мире уже существовал родственный по расе вид мании величия, – иудейский: коль скоро разверзлась пропасть между иудеем и иудейским христианином, последнему не оставалось никакого иного выбора, как ту же процедуру самоподдержания, которую внушал иудейский инстинкт, обратить против самих иудеев в то время, как иудеи обращали её до сих пор только против всего не иудейского. Христианин есть тот же еврей, только «более свободного» исповедания.

45

– Я дам несколько примеров того, что засело в голову этих маленьких людей, что вложили они в уста своему учителю: это настоящее признание «прекрасных душ». –

«И если кто не примет вас и не будет слушать вас, то, выходя оттуда, отрясите прах от ног ваших, во свидетельство на них. Истинно говорю вам: отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу» (Марк 6, 11). – Как это по-евангельски!..

«А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море» (Марк 9, 42). – Как это по-евангельски!..

«И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную, где червь их не умирает и огонь не угасает» (Марк 9, 47) [62]. – Не глаз только здесь подразумевается...

«И сказал им: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силу» (Марк 9, 1). – Хорошо солгал, лев [63].

"Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо..." (Примечание психолога. Христианская мораль опровергается этим «ибо»: опровергать её «основы» – это по-христиански) (Марк 8, 34). –

"Не судите, да не судимы будете. Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить" (Матф. 7, 1). – Какое понятие о справедливости, о «праведном судии!»

"Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и мытари?" (Матф. 5, 46). – Принцип «христианской любви»: она хочет быть в конце концов хорошо оплаченной...

«А если не будете прощать людям согрешений их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Матф. 6,

15). – Очень компрометирует вышеназванного «Отца»...

«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Матф. 6, 33). – Всё это: т. е. пища, одежда, все насущные потребности жизни. Заблуждение, скромно выражаясь... Незадолго перед этим Бог является портным, по крайней мере в известных случаях...

"Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах. Так поступали с пророками отцы их" (Лука 6, 23). – Бесстыдное отродье! Они сравнивают себя уже с пророками!..

"Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят; а этот храм – вы" (Павел 1 к Коринф. 3, 16). – Для подобного нет достаточной меры презрения...

"Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?" (Павел 1 к Коринф. 6, 2) [64]. К сожалению, не только речь сумасшедшего... Этот ужасный лжец продолжает: "разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские!..."

"Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих... не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных. Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом" (Павел I к Коринф. 1, 20 и далее). – Чтобы понять это место – перворазрядное свидетельство для психологии всякой морали чандалы, нужно прочесть первое рассмотрение моей «Генеалогии морали»: там впервые выведена на свет противоположность аристократической морали и морали чандалы, родившейся из *ressentiment* и бессильной мести. Павел был величайшим из всех апостолов мести...

46

– Что из этого следует? То, что хорошо делают, если надевают перчатки при чтении Нового Завета. Близость такой массы нечистоплотности почти вынуждает к этому. Мы так же мало желали бы общения с «первыми христианами», как и с польскими евреями, – не потому, чтобы мы имели что-нибудь против них: те и другие нехорошо пахнут. – Напрасно высматривал я в Новом Завете хотя бы одну симпатичную черту: там нет ничего, что можно было бы назвать свободным, добрым, откровенным, честным. Человечность не сделала здесь ещё и своего первого шага, – недостает инстинктов чистоплотности... В Новом Завете только дурные инстинкты, и даже нет мужества к этим дурным инстинктам. Сплошная трусость, сплошное закрывание глаз и самообман. Всякая книга кажется чистоплотной, если её читать вслеп за Новым Заветом; так, например, непосредственно после Павла я читал с восхищением того прелестного, задорного насмешника Петрония [65], о котором можно было бы сказать то же, что Доменико Боккачио написал герцогу Парма о Чезаре Борджа [66]: «*e tutto festo*» – бессмертно здоровый, бессмертно весёлый и удачливый... Эти маленькие ханжи просчитываются как раз в главном. Они нападают, но всё то, на что они нападают, тем самым получает отличие. На кого нападает «первый христианин», тот не бывает этим замаран... Напротив: есть некоторая честь иметь против себя «первых христиан». Читая Новый Завет, отдаёшь предпочтение всему, что он третирует, не говоря уже о «мудрости мира сего», которую дерзкий враль напрасно пытается посрамить «юродливой проповедью»... Даже фарисеи и книжники выигрывают от таких противников: должно же быть в них что-нибудь ценное, если их так неприлично ненавидят. Лицемерие, вот упрёк, который смели бросить «первые христиане»! Достаточно того, что это были привилегированные, – ненависть чандалы не нуждается в других основаниях. «Первый христианин» – я боюсь, что и «последний», которого, может быть, я ещё переживу, – по самым низменным инстинктам есть бунтовщик против всего привилегированного, – он живёт, он борется всегда за «равные права»... Если приглядеться, то он не имеет иного выбора. Если хотят быть в собственном лице «избранниками Бога», или «храмом Божьим», или «судьёю ангелов», то всякий другой принцип выбора, например принцип правдивости, ума, мужественности и гордости, красоты и свободы сердца, попросту «мира», – есть уже зло само по себе... Мораль: каждое слово в устах «первого христианина» есть ложь, каждый поступок, совершаемый им, есть инстинктивная ложь, – все его ценности, все его цели вредны, но кого он ненавидит, что он ненавидит, то имеет ценность... Христианин, христианский священник в особенности, есть критерий ценностей... Нужно ли говорить ещё, что во всём Новом Завете встречается только единственная фигура, достойная уважения? Пилат, римский правитель. Он не может принудить себя к тому, чтобы принять всерьёз спор иудеев. Одним евреем больше или меньше – что за важность?... Благородная насмешка римлянина, перед которым происходит бесстыдное злоупотребление словом «истина», обогатила Новый Завет новым выражением, которое имеет цену, которое само по себе есть его критика, его отрицание: «что есть истина!...»

47

– Не то отличает нас от других, что мы не находим Бога ни в истории, ни в природе, ни за природой, но то, что мы почитаемое за Бога чувствуем не как «божественное», но как жалкое, абсурдное, вредное – не как

заблуждение только, но как преступление перед жизнью... Мы отрицаем Бога как Бога... Если бы нам доказали этого Бога христиан, мы ещё менее сумели бы поверить в него. – По формуле: *deus, qualem Paulus creavit, dei negatio* [67]. Религия, которая, подобно христианству, не соприкасается с действительностью ни в одном пункте, которая падает тотчас, стоит только действительности предъявить свои права хоть в одном пункте, – по справедливости должна быть смертельно враждебна «мудрости мира», другими словами, науке, – для неё будут хороши все средства, которыми можно отравить, оклеветать, обесславить дисциплину духа, ясность и строгость в вопросах совести, духовное благородство и свободу. «Вера», как императив, есть *veto* против науки, *in grahi* ложь во что бы то ни стало... Павел понял, что ложь, что «вера» была необходима; церковь позже поняла Павла. – Тот «Бог», которого изобрёл Павел, Бог, который позорит «мудрость мира» (т. е. собственно двух великих врагов всякого суеверия, филологию и медицину), – это поистине только смелое решение самого Павла назвать «Богом» свою собственную волю, *thoga*, – это сугубо иудейское. Павел хочет позорить «мудрость мира»; его враги – это хорошие филологи и врачи александрийской выучки, – им объявляет он войну. Действительно, филолог и врач не может не быть в то же время и антихристианином. Филолог смотрит позади «священных книг», врач позади физиологической негодности типичного христианина. Врач говорит: «неизлечимый», филолог: «шарлатан»...

48

– Поняли ли собственно знаменитую историю, которая помещена в начале Библии, – историю об адском страхе Бога перед наукой?.. Её не поняли. Эта жреческая книга *par excellence* начинается, как и следовало ожидать, великим внутренним затруднением жреца: он имеет только одну великую опасность, следовательно, Бог имеет только одну великую опасность. -

Ветхий Бог, «дух» всецело, настоящий верховный жрец, истинное совершенство, прогуливается в своём саду: беда только, что он скучает. Против скуки даже и боги борются тщетно. Что же он делает? Он изобретает человека: человек занимателен... Но что это? и человек также скучает. Безгранично милосердие Божье к тому единственному бедствию, от которого не свободен ни один рай: Бог тотчас же создал ещё и других животных. Первый промах Бога: человек не нашёл животных занимательными, – он возгосподствовал над ними, он не пожелал быть «животным». – Вследствие этого Бог создал женщину. И действительно, со скукой было покончено, – но с другим ещё нет! Женщина была вторым промахом Бога. – «Женщина по своему существу змея, Нева», – это знает всякий жрец; «от женщины происходит в мире всякое несчастье», – это также знает всякий жрец. "Следовательно, от неё идёт и наука"... Только через женщину человек научился вкушать от древа познания. – Что же случилось? Ветхого Бога охватил адский страх. Сам человек сделался величайшим промахом Бога, он создал в нём себе соперника: наука делает равным Богу, – приходит конец жрецам и богам, когда человек начинает познавать науку! – Мораль: наука есть нечто запрещённое само по себе, она одна запрещена. Наука – это первый грех, зерно всех грехов, первородный грех. Только это одно и есть мораль. – "Ты не должен познавать"; остальное всё вытекает из этого. – Адский страх не препятствует Богу быть благоразумным. Как защищаться от науки? – это сделалось надолго его главной проблемой. Ответ: прочь человека из рая! Счастье, праздность наводит на мысли – все мысли суть скверные мысли... Человек не должен думать. – И «жрец в себе» изобретает нужду, смерть, беременность с её опасностью для жизни, всякого рода бедствия, старость, тяготу жизни, а прежде всего болезнь – все верные средства в борьбе с наукой! Нужда не позволяет человеку думать... И всё-таки! ужасно! Дело познания воздвигается, возвышаясь до небес, затемняя богов, – что делать? – Ветхий Бог изобретает войну, он разъединяет народы, он делает так, что люди взаимно истребляют друг друга (– жрецам всегда была необходима война...). Война наряду с другим – великая помеха науке! – Невероятно! Познание, эмансипация от жреца даже возрастает, несмотря на войну. – И вот последнее решение приходит ветхому Богу: "человек познал науку, – ничто не помогает, нужно его утопить!"...

49

– Я понят. Начало Библии содержит всю психологию жреца. – Жрец знает только одну великую опасность – науку: здоровое понятие о причине и действии. Но наука в целом преуспевает только при счастливых обстоятельствах: нужно иметь избыток времени и духа, чтобы «познавать»... Следовательно, нужно человека сделать несчастным: это всегда было логикой жреца. – Можно уже угадать, что, согласно этой логике, теперь явилось на свет: «грех»... Понятие о вине и наказании, весь «нравственный миропорядок» изобретён против науки, против освобождения человека от жреца... Человек не должен смотреть вне себя, он должен смотреть внутрь себя: он не должен смотреть на вещи умно и предусмотрительно, как изучающий; он вообще не должен смотреть: он должен страдать... И он должен так страдать, чтобы ему всегда был необходим жрец. – Прочь, врачи! Нужен Спаситель. – Чтобы разрушить в человеке чувство причинности, изобретаются понятия о вине и наказании, включая учение о «милости», об «искуплении», о «прощении» (насквозь лживые понятия без всякой психологической реальности): всё это покушение на понятия причины и действия! – И покушение не при помощи кулака или ножа или откровенности в любви и ненависти! Но из самых трусливых, самых хитрых, самых

низменных инстинктов! Покушение жреца! Покушение паразита! Вампиризм бледных подземных кровопийц!.. Если естественные следствия перестают быть естественными, но мыслятся как обусловленные призрачными понятиями суеверия («Бог», «дух», «душа»), как «моральные» следствия, как награда, наказание, намёк, средство воспитания, – этим уничтожаются необходимые условия познания – над человечеством совершается величайшее преступление. – Грех – это форма самораствления человека *par excellence*, – как уже было сказано, изобретён для того, чтобы сделать невозможной пауку, культуру, всякое возвышение и облагораживание человека; жрец господствует, благодаря изобретению греха.

50

– Я не обойду здесь молчанием психологию «веры», «верующих», именно для пользы самих «верующих». Если теперь ещё нет недостатка в таких, которые не знают, насколько неприлично быть «верующим», или что это служит признаком *decadence*, искалеченной воли к жизни, то завтра они уже будут знать это. Мой голос достигает и тугих на ухо. – Кажется, если только я не ослышался, у христиан существует критерий истины, который называется «доказательство от силы». "Вера делает блаженным: следовательно, она истинна". – Можно бы было возразить, что блаженство здесь не доказывается, а только обещается; блаженство обуславливается «верой»; должен сделаться блаженным, потому что веришь... Но чем доказывается, что действительно наступает то, что жрец обещает верующему как «потустороннее», недоступное для всякого контроля? – Таким образом, мнимое «доказательство от силы» в основе есть опять-таки только вера в то, что явится действие, обещанное верой. По формуле: "я верю, что вера делает блаженным, – следовательно, она истинна". – Но мы подошли к концу. Это «следовательно» было бы *absurdum*, как критерий истины. – Однако если мы предположим, с некоторой снисходительностью, что доставление блаженства доказывается верой (не только как желаемое, не только как нечто обещаемое подозрительными устами жреца), – то всё же было ли блаженство – выражаясь технически, удовольствие – когда-нибудь доказательством истины? Так мало, что оно почти даёт доказательство противоположного; во всяком случае, если чувство удовольствия вмешивается в обсуждение вопроса «что есть истина?», то возникает огромное подозрение относительно истины. «Удовольствие» как доказательство есть только доказательство «удовольствия» – не более. Откуда имеем мы право утверждать, что именно истинные суждения доставляют более удовольствия, чем ложные, и что, в силу предустановленной гармонии, они необходимо влекут за собой приятные чувства? – Опыт всех строгих и глубоких умов учит нас обратному. Каждый шаг в сторону истины надо было отвоёвывать, нужно было за него пожертвовать всем, чем питается наше сердце, наша любовь, наше доверие к жизни. Для этого нужно величие души. Служение истине есть самое суровое служение. – Что значит быть честным в духовных вещах? Быть строгим к своему сердцу, презирать «прекрасные чувства», из всякого Да и Нет делать вопросы совести!.. Вера делает блаженным: следовательно, она лжёт!..

51

Что вера при известных обстоятельствах делает блаженным, что блаженство из навязчивой идеи ещё не делает истинной идеи, что вера не двигает горами, но скорее нагромождает горы, где их совсем нет, – это в достаточной мере можно выяснить, пройдясь по сумасшедшему дому. Конечно, не жрецу, ибо жрец из инстинкта отрицает, что болезнь есть болезнь, что сумасшедший дом есть сумасшедший дом. Христианство нуждается в болезни почти в такой же мере, как Греция нуждалась в избытке здоровья: делать больным – это собственно задняя мысль всей той системы, которую церковь предлагает в видах спасения. И не является ли сама церковь – в последнем идеале католическим сумасшедшим домом? – И сама земля вообще не сумасшедший ли дом? – Религиозный человек, каким его хочет церковь, – есть типичный *decadent*; время, когда религиозный кризис господствует над народом, всегда отмечается нервными эпидемиями; «внутренний мир» религиозного человека так похож на внутренний мир перевозбуждённых и истощённых, что их можно смешать друг с другом. «Высшие состояния», которые христианство навязало человечеству как ценность всех ценностей, – это эпилептоидные формы. Церковь причисляла к лику святых только сумасшедших или великих обманщиков *in majorem dei honorem* [68]... Я позволил себе однажды охарактеризовать весь христианский *training* раскаяния и спасения (который теперь лучше всего можно изучить в Англии), как методически воспитываемую *folie circulaire* [69], само собой разумеется, на почве к тому уже подготовленной, т. е. глубоко болезненной. Не всякий может сделаться христианином: в христианство не «обращаются», – для этого должно сделаться больным... Мы, другие, имеющие мужество к здоровью и также к презрению, как можем мы не презирать религию, которая учила пренебрегать телом! которая не хочет освободиться от предрассудка о душе! которая из недостаточного питания делает «заслугу»! которая борется со здоровым, как с врагом, дьяволом, искушением! которая убедила себя, что можно влачить «совершенную душу» в теле, подобном трупу, и при этом имела надобность создать себе новое понятие о «совершенстве», нечто бледное, болезненное, идиотски-мечтательное, так называемую святость; святость – просто ряд симптомов обедневшего, энervирующего, неисцелимого испорченного тела!.. Христианское движение, как европейское движение, с самого начала есть общее движение всего негодного и

вырождающегося, которое с христианством хочет приобрести власть. Христианское движение не выражает упадка расы, но оно есть агрегат, образовавшийся из тяготеющих друг к другу форм *decadence*. Не развращённость древности, благородной древности, сделала возможным христианство, как это думают. Учёный идиотизм, который и теперь ещё утверждает нечто подобное, заслуживает самого резкого опровержения. В то время, как христианизировались во всей империи больные, испорченные слои чандалы, существовал как раз противоположный тип, благородство в самом его красивом и зрелом образе. Но численность получила господство; демократизм христианских инстинктов победил... Христианство не было национальным, не обуславливалось расой. Оно обращалось ко всем обездоленным жизнью, оно имело своих союзников повсюду. Христианство, опираясь на галопе больных, обратило инстинкт против здоровых, против здоровья. Всё удачливое, гордое, смелое, красота прежде всего, болезненно поражает его слух и зрение. Ещё раз вспоминаю я неоценимые слова Павла: "Бог избрал немощное мира, немудрое мира, незнатное мира, уничиженное мира": это была та формула, *in hoc signo* которой победил *decadence*. – Бог на кресте – неужели ещё до сих пор не понята ужасная подоплёка этого символа? Всё, что страдает, что на кресте, – божественно... Мы все на кресте, следовательно, мы божественны... Мы одни божественны... Христианство было победой, более благородное погубило в нём, до сих пор христианство было величайшим несчастьем человечества...

52

Христианство стоит в противоречии также со всякой духовной удачливостью, оно нуждается только в больном разуме, как христианском разуме, оно берёт сторону всякого идиотизма, оно изрекает проклятие против «духа», против *superbia* [70] здорового духа. Так как болезнь относится к сущности христианства, то и типически христианское состояние, «вера», – должно быть также формой болезни, все прямые честные, научные пути к познанию должны быть также отвергаемы церковью как пути запрещённые. Сомнение есть уже грех... Совершенное отсутствие психологической чистоплотности, обнаруживающееся во взгляде священника, есть проявление *decadence*. Можно наблюдать на истерических женщинах и рахитичных детях, сколь закономерным выражением *decadence* является инстинктивная лживость, удовольствие лгать, чтобы лгать, неспособность к прямым взглядам и поступкам. «Верой» называется нежелание знать истину. Ханжа, священник обоих полов, фальшив, потому что он болен: его инстинкт требует того, чтобы истина нигде и ни в чем не предъявляла своих прав. "Что делает больным, есть благо, что исходит из полноты, из избытка, из власти, то зло" – так чувствует верующий. Непроизвольность во лжи – по этому признаку я угадываю каждого теолога по призванию – Другой признак теолога – это его неспособность к филологии. Под филологией здесь нужно подразумевать искусство хорошо читать, конечно, в очень широком смысле слова, искусство вычитывать факты, не искажая их толкованиями, не теряя осторожности, терпения, тонкости в стремлении к пониманию. Филология как *Ephexis* [71] в толковании: идет ли дело о книгах, о газетных новостях, о судьбах и состоянии погоды, – не говоря о «спасении души»... Теолог, все равно в Берлине или Риме, толкует ли он «Писание» или переживание, как, например, победу отечественного войска в высшем освещении псалмов Давида, всегда настолько смел, что филолог при этом готов лезть па стену. Да и что ему делать, когда ханжи и иные коровы из Швабии свою жалкую серую жизнь, свое затхлое существование с помощью «перста Божия» обращают в «чудо милости», «промысел», «спасение»? Самая скромная доза ума, чтобы не сказать приличия, должна была бы привести этих толкователей к тому, чтобы они убедились, сколько вполне ребяческого и недостойного в подобном злоупотреблении божественным перстом. Со столь же малой дозой истинного благочестия мы должны бы были признать вполне абсурдным такого Бога, который лечит нас от насморка или подает нам карету в тот момент, когда разражается сильный дождь, и, если бы он даже существовал, его следовало бы упразднить [72]. Бог как слуга, как почтальон, как календарь, – в сущности, это только слово для обозначения всякого рода глупейших случайностей. «Божественное Провидение», в которое теперь еще верит приблизительно каждый третий человек в «образованной» Германии, было бы таким возражением против Бога, сильнее которого нельзя и придумать. И во всяком случае оно есть возражение против немцев!..

53

– Что мученичество может служить доказательством истины чего-либо, – в этом так мало правды, что я готов отрицать, чтобы мученик вообще имел какое-нибудь отношение к истине. Уже в тоне, которым мученик навязывает миру то, что считает он истинным, выражается такая низкая степень интеллектуальной честности, такая тупость в вопросе об истине, что он никогда не нуждается в опровержении. Истина не есть что-нибудь такое, что мог бы иметь один, а не иметь другой: так могли думать об истине только мужики или апостолы из мужиков вроде Лютера. Можно быть уверенным, что сообразно со степенью совестливости в вопросах духа всё более увеличивается скромность, осторожность относительно этих вещей. Знать немного, а всё остальное осторожно отстранять для того, чтобы познавать дальше... «Истина», как это слово понимает каждый пророк, каждый сектант, каждый свободный дух, каждый социалист, каждый церковник, – есть совершенное доказательство того, что здесь нет ещё и начала той дисциплины духа и самопреодоления, которое необходимо

для отыскания какой-нибудь маленькой, совсем крошечной ещё истины. Смерти мучеников, мимоходом говоря, были большим несчастьем в истории: они соблазняли... Умозаключение всех идиотов, включая сюда женщин и простонародье, таково, что то дело, за которое кто-нибудь идёт на смерть (или даже которое порождает эпидемию стремления к смерти, как это было с первым христианством), имеет за себя что-нибудь, – такое умозаключение было огромным тормозом исследованию, духу исследования и осмотрительности. Мученики вредили истине. Даже и в настоящее время достаточно только жестокости в преследовании, чтобы создать почтенное имя самому никчемному сектантству. – Как? разве изменяется вещь в своей ценности только от того, что за неё кто-нибудь кладёт свою жизнь? – Заблуждение, сделавшееся почтенным, есть заблуждение, обладающее лишним очарованием соблазна, – не думаете ли вы, господа теологи, что мы дадим вам повод сделаться мучениками из-за вашей лжи? – Опровергают вещь, откладывая её почтительно в долгий ящик; так же опровергают и теологов. Всемирио-исторической глупостью всех преследователей и было именно то, что они придавали делу своих противников вид почтенности, одаряя её блеском мученичества... До сих пор женщина стоит на коленях перед заблуждением, потому что ей сказали, что кто-то за него умер на кресте. Разве же крест аргумент? Но относительно всего этого только один сказал то слово, в котором нуждались в продолжение тысячелетий, – Заратустра.

Знаками крови писали они на пути, по которому они шли, и их безумие учило, что кровью свидетельствуется истина.

Но кровь – самый худший свидетель истины; кровь отравляет самое чистое учение до степени безумия и ненависти сердец.

А если кто и идёт на огонь из-за своего учения – что же это доказывает! Поистине, совсем другое дело, когда из собственного горения исходит собственное учение (II, 350) [II 66].

54

Пусть не заблуждаются: великие умы – скептики. Заратустра – скептик. Крепость, свобода, вытекающие из духовной силы и её избытка, доказываются скептицизмом. Люди убеждения совсем не входят в рассмотрение всего основного в ценностях и отсутствии таковых. Убеждение – это тюрьма. При нём не видишь достаточно далеко вокруг, не видишь под собой: а между тем, чтобы осмелиться говорить о ценностях и неценностях, нужно оставить под собой, за собой пятьсот убеждений... Дух, который хочет великого, который хочет также иметь и средства для этого великого, по необходимости будет скептик. Свобода от всякого рода убеждений – это сила, это способность смотреть свободно... Великая страсть, основание и сила бытия духа ещё яснее, ещё деспотичнее, чем сам дух, пользуется всецело его интеллектом: она заставляет его поступать, не сомневаясь; она даёт ему мужество даже к недозволенным средствам; она разрешает ему при известных обстоятельствах и убеждения. Убеждение как средство: многого можно достигнуть только при посредстве убеждения. Великая страсть может пользоваться убеждениями, может их использовать, но она не подчиняется им – она считает себя суверенной. – Наоборот: потребность в вере, в каком-нибудь безусловном Да или Нет, в карлейлизме [73], если позволительно так выразиться, – есть потребность слабости. Человек веры, «верующий» всякого рода, – по необходимости человек зависимый, – такой, который не может полагать себя как цель и вообще полагать цели, опираясь на себя. «Верующий» принадлежит не себе, он может быть только средством, он должен быть использован, он нуждается в ком-нибудь, кто бы его использовал. Его инстинкт чтит выше всего мораль самоотвержения; всё склоняет его к ней: его благоразумие, его опыт, его тщеславие. Всякого рода вера есть сама выражение самоотвержения, самоотчуждения... Пусть взвешают, как необходимо большинству что-нибудь регулирующее, что связывало бы их и укрепляло внешним образом, как принуждение, как рабство в высшем значении этого слова, – единственное и последнее условие, при котором преуспевает слабовольный человек, особенно женщина, – тогда поймут, что такое убеждение, «вера». Человек убеждения имеет в этом убеждении свою опору. Не видеть многого, ни в чём не быть непосредственным, быть насквозь пропитанным духом партии, иметь строгую и неуклонную оптику относительно всех ценностей – всё это обуславливает вообще существование такого рода людей. Но тем самым этот род становится антагонистом правдивости, – истины... Верующий не волен относиться по совести к вопросу об «истинном» и «неистинном»; сделайся он честным в этом пункте, это тотчас повело бы его к гибели. Патологическая обусловленность его оптики из убеждённого человека делает фанатика – Савонаролу, Лютера, Руссо, Робеспьера, Сен-Симона [74], – тип, противоположный сильному, ставшему свободным духу. Но величаяв поза этих больных умов, этих умственных эпилептиков, действует на массу, – фанатики живописны; человечество предпочитает смотреть на жесты, чем слушать доводы...

55

– Ещё один шаг в психологию убеждения, «веры». Давно уже меня интересовал вопрос, не являются ли убеждения более опасными врагами истины, чем ложь. («Человеческое слишком человеческое» афоризмы 54 и 483.) На этот раз я ставлю решающий вопрос: существует ли вообще противоположение между ложью и убеждением? – Весь мир верит в это; но чему только не верит весь мир! – Всякое убеждение имеет свою

историю, свои предварительные формы, свои попытки и заблуждения: оно становится убеждением после того, как долгое время не было им и ещё более долгое время едва им было. Как? неужели и под этими эмбриональными формами убеждения не могла скрываться ложь? – Иногда необходима только перемена личностей: в сыне делается убеждением то, что в отце было ещё ложью. – Ложью я называю: не желать видеть того, что видят, не желать видеть так, как видят, – неважно, при свидетелях или без свидетелей ложь имеет место. Самый обыкновенный род лжи тот, когда обманывают самих себя: обман других есть относительно уже исключительный случай. – В настоящее время это нежелание видеть то, что видят, и нежелание видеть так, как видят, есть почти первое условие для всех партийных в каком бы то ни было смысле: человек партии по необходимости лжец. Немецкая историография, например, убеждена, что Рим был деспотизмом, что германцы принесли в мир дух свободы: какое различие между этим убеждением и ложью? Следует ли удивляться тому, что инстинктивно все партии, равно как и немецкие историки, изрекают великие слова морали, что мораль чуть ли не потому ещё продолжает существовать, что всякого рода человек партии нуждается в ней ежеминутно? – "Это наше убеждение: мы исповедуем его перед всем миром, мы живём и умираем за него – почтение перед всем, что имеет убеждение". – Нечто подобное слышал я даже из уст антисемитов. Напротив, господа! Антисемит совсем не будет оттого приличнее, что он лжёт по принципу. Священники, которые в таких вещах тоньше и очень хорошо понимают возражение, лежащее в понятии убеждения, т. е. обоснованной, ввиду известных целей, лжи, позаимствовали от евреев благоразумие, подставивши сюда понятие «Бог», «воля Божья», «откровение Божье». Кант со своим категорическим императивом был на том же пути: в этом пункте его разум сделался практическим. – Есть вопросы, в которых человеку не предоставлено решение относительно истинности их или неистинности: все высшие вопросы, все высшие проблемы ценностей находятся по ту сторону человеческого разума... Коснуться границ разума – вот это прежде всего и есть философия... Для чего дал Бог человеку откровение? Разве Бог сделал что-нибудь лишнее? Человек не может знать сам собою, что есть добро и что зло, поэтому научил его Бог своей воле... Мораль: священник не лжёт, – в тех вещах, о которых говорят священники, нет вопросов об «истинном и ложном», эти вещи совсем не позволяют лгать. Ибо, чтобы лгать, нужно быть в состоянии решать, что здесь истинно. Но этого как раз человек не может; священник здесь только рупор Бога. Такой жреческий силлогизм не является только еврейским или христианским: право на ложь и на благоразумие «откровения» принадлежит жрецу в его типе, будь то жрецы *decadence* или жрецы язычества. (Язычники – это все те из относящихся к жизни положительно, для которых Бог служит выражением великого Да по отношению ко всем вещам.) – «Закон», «воля Божья», «священная книга», «боговдохновение» – всё это только слова для обозначения условий, при которых жрец идёт к власти, которыми он поддерживает свою власть – эти понятия лежат в основании всех жреческих организаций, всех жреческих и жреческо-философских проявлений господства. «Святая ложь» обща Конфуцию, книге законов Ману, Магомету, христианской церкви; в ней нет недостатка и у Платона [75]. «Истина здесь» – эти слова, где бы они ни слышались, означают: жрец лжёт.

56

– В конце концов, мы подходим к тому, с какою целью лгут. Что христианству недостаёт «святых» целей, это моё возражение против его средств. У него только дурные цели: отравление, оклеветание, отрицание жизни, презрение тела, уничтожение и самораствление человека через понятие греха, – следовательно, также дурны и его средства. – Совершенно с противоположным чувством я читаю книгу законов Ману, произведение, несравненное в духовном отношении; даже назвать его на одном дыхании с Библией было бы грехом против духа. И понятно, почему: оно имеет за собой, "в" себе действительную философию, а не только зловонный иудаизм с его раввинизмом и суевериями, наоборот, оно кое-что даёт даже самому избалованному психологу. Нельзя забывать главного – основного отличия этой книги от всякого рода Библии: знатные сословия, философы и воины при её помощи держат в руках массы: повсюду благородные ценности, чувство совершенства, утверждение жизни, торжествующее чувство благосостояния по отношению к себе и к жизни, солнечный свет разлит на всей книге. – Все вещи, на которые христианство испускает свою бездонную пошлость, как, например, зачатие, женщина, брак, здесь трактуются серьёзно, с почтением, любовью и доверием. Как можно давать в руки детей или женщин книгу, которая содержит такие гнусные слова: "во избежание блуда каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа... лучше вступить в брак, нежели разжигаться? [76]" И можно ли быть христианином, коль скоро понятием об *immaculata conceptio* [77] самое происхождение человека охристианивается, т. е. загрязняется?.. Я не знаю ни одной книги, где о женщине сказано бы было так много нежных и благожелательных вещей, как в книге законов Ману; эти старые седобородые святые обладают таким искусством вежливости по отношению к женщинам, как, может быть, никто другой. «Уста женщины, – говорится в одном месте, – грудь девушки, молитва ребёнка, дым жертвы всегда чисты». В другом месте: «нет ничего более чистого, чем свет солнца, тень коровы, воздух, вода, огонь и дыхание девушки». Далее следует, быть может, святая ложь: «все отверстия тела выше пупка – чисты, все ниже лежащие – нечисты; только у девушки всё тело чисто».

57

Если цель христианства сопоставить с целью законов Ману, если наилучшим образом осветить эту величайшую противоположность целей, то нечестивость христианских средств можно поймать *in fragranti* [78]. Критик христианства не может избежать того, чтобы не выставить христианства заслуживающим презрения. Книга законов, вроде законов Ману, имеет такое же происхождение, как и всякая хорошая книга законов: она резюмирует опыт, благоразумие и экспериментальную мораль столетий, она подводит черту, но не творит ничего. Предпосылкой к кодификации такого рода является то, что средства создать авторитет истине, медленно и дорогой ценой завоеванной, совершенно отличны от тех средств, которыми она доказывается. Книга законов никогда не говорит о пользе, об основаниях, о казуистике в предварительной истории закона: именно благодаря этому она лишилась бы того императивного тона, того «ты должен», которое является необходимым условием для повиновения. В этом-то и заключается проблема. – В определённый момент развития народа его глубокий, всеохватывающий опыт, – сообразно с которым он должен, т. е., собственно говоря, может жить, – является законченным. Его цель сводится к тому, чтобы собрать возможно полную и богатую жатву с времён эксперимента и отрицательного опыта. Следовательно, прежде всего теперь нужно остерегаться дальнейшего экспериментирования, дальнейшей эволюции ценностей, уходящего в бесконечность исследования, выбора, критики ценностей. Всему этому противопоставляется двойная стена: во-первых, откровение, т. е. утверждение, что разум тех законов не человеческого происхождения, что он не есть результат медленного изыскания, сопровождаемого ошибками, но, как имеющий божественное происхождение, он был только сообщён уже в совершенном виде, без истории, как дар, как чудо... Во-вторых, традиция, т. е. утверждение, что закон уже с древнейших времен существовал, что сомневаться в этом было бы нечестиво и преступно по отношению к предкам. Авторитет закона покоится на тезисах: Бог это дал, предки это пережили. Высший разум подобного процесса заключается в намерении отеснить шаг за шагом сознание от жизни, признаваемой за правильную (т. е. доказанную огромным и тонко просеянным опытом), чтобы достигнуть таким образом полного автоматизма инстинкта, – это предпосылки ко всякого рода мастерству, ко всякого рода совершенству в искусстве жизни. Составить книгу законов по образцу Ману – значит признать за народом мастера, признать, что он может претендовать на обладание высшим искусством жизни. Для этого она должна быть создана бессознательно: в этом цель всякой священной лжи. – Порядок каст, высший господствующий закон, есть только санкция естественного порядка, естественная законность первого ранга, над которой не имеет силы никакой произвол, никакая «современная идея». В каждом здоровом обществе выступают, обуславливая друг друга, три физиологически разнопритягательных типа, из которых каждый имеет свою собственную гигиену, свою собственную область труда, особый род чувства совершенства и мастерства. Природа, а не Ману отделяет одних – по преимуществу сильных духом, других – по преимуществу сильных мускулами и темпераментом и третьих, не выдающихся ни тем, ни другим – посредственных: последние, как большинство, первые, как элита. Высшая каста – я называю её кастой немногих – имеет, будучи совершенной, также и преимущества немногих: это значит – быть земными представителями счастья, красоты, доброты. Только наиболее одарённые духовно люди имеют разрешение на красоту, на прекрасное; только у них доброта не есть слабость. *Pulchrum est paucorum hominum*: доброе есть преимущество. Ничто так не возбраняется им, как дурные манеры, или пессимистический взгляд, глаз, который всё видит в дурном свете, или даже негодование на общую картину мира. Негодование – это преимущество чандалы; также и пессимизм. «Мир совершенен» – так говорит инстинкт духовно одарённых, инстинкт, утверждающий жизнь: "несовершенство, всё, что стоит ниже нас, дистанция, пафос дистанции, сама чандала, – всё принадлежит к этому совершенству". Духовно одарённые, как самые сильные, находят своё счастье там, где другие нашли бы свою погибель, – в лабиринте, в жестокости к себе и другим, в исканиях; их удовольствие – это самопринуждение; аскетизм делается у них природой, потребностью, инстинктом. Трудную задачу считают они привилегией; играть тяжестями, которые могут раздавить других, – это их отдых... Познание для них форма подвижничества. – Такой род людей более всех достоин почтения – это не исключает того, что они самые весёлые, радушные люди. Они господствуют не потому, что хотят, но потому, что они существуют; им не предоставлена свобода быть вторыми. – Вторые – это стражи права, опекуны порядка и безопасности, это благородные воины, это прежде всего король, как высшая формула воина, судьи и хранителя закона. Вторые – это исполнители сильных духом, их ближайшая среда, то, что берёт на себя всё грубое в господстве) их свита, их правая рука, их лучшие ученики. – Во всём, повторяю, нет ничего произвольного, ничего «деланного»; всё, что не так, то сделано, – природа там опозорена... Порядок каст, иерархия, только и формулирует высший закон самой жизни; разделение трёх типов необходимо для поддержания общества, для того, чтобы сделать возможными высшие и наивысшие типы, – неравенство прав есть только условие к тому, чтобы вообще существовали права. – Право есть привилегия. Преимущество каждого в особенностях его бытия. Не будем низко оценивать преимущества посредственных. Жизнь, по мере возвышения, всегда становится суровее, – увеличивается холод, увеличивается ответственность. Высокая культура – это пирамида: она может стоять только на широком основании, она имеет, как предпосылку, прежде всего сильную и здоровую посредственность. Ремесло, торговля, земледелие, наука, большая часть искусств, одним словом, всё, что содержится в понятии специальной деятельности, согласуется только с посредственным – в возможностях и желаниях; подобному нет места среди исключений, относящийся сюда инстинкт одинаково противоречил бы как аристократизму, так и анархизму. Чтобы иметь общественную полезность, быть колесом, функцией, для этого должно быть естественное

призвание: не общество, а род счастья, к которому способно только большинство, делает из них интеллигентные машины. Для посредственностей быть посредственностью есть счастье; мастерство в одном, специальность – это естественный инстинкт. Было бы совершенно недостойно более глубокого духа в посредственности самой по себе видеть нечто отрицательное. Она есть первая необходимость для того, чтобы существовали исключения: ею обуславливается высокая культура. Если исключительный человек относится к посредственным бережнее, чем к себе и себе подобным, то это для него не вежливость лишь, но просто его обязанность... Кого более всего я ненавижу между теперешней сволочью? Сволочь социалистическую, апостолов чандалы, которые хоронят инстинкт, удовольствие, чувство удовлетворённости рабочего с его малым бытием, – которые делают его завистливым, учат его мести... Нет несправедливости в неравных правах, несправедливость в притязании на «равные» права... Что дурно? Но я уже сказал это: всё, что происходит из слабости, из зависти, из мести. – Анархист и христианин [79] одного происхождения.

58

Конечно, есть различие, с какою целью лгут: для того ли, чтобы поддерживать или чтобы разрушать. Сравним христианина и анархиста: их цель, их инстинкт ведёт только к разрушению. Доказательство этого положения можно вычитать из истории: она представляет его с ужасающей ясностью. Мы только что познакомились с религиозным законодательством, целью которого было «увековечить» великую организацию общества – высшее условие для того, чтобы преуспевала жизнь; христианство нашло свою миссию в том, чтобы положить конец такой организации, потому что в ней преуспевает жизнь. С давно прошедших времён эксперимента и неуверенности разум должен был отложить там свои плоды для дальнейшего пользования, и собранная жатва была так обильна, так совершенна, как только возможно: здесь, наоборот, жатва была отравлена за ночь... То, что составляло *aere perennius – imperium Romanum*, самая грандиозная форма организации при труднейших условиях, такая форма, какая до сих пор могла быть только достигнута, в сравнении с которой всё прошедшее и последующее есть только кустарничество, тупость, дилетантизм, – из всего этого те святые анархисты сделали себе «благочестие» с целью разрушить «мир», т. е. *imperium Romanum*, так, чтобы не осталось камня на камне, пока германцы и прочий сброд не сделались над ним господами... Христианин и анархист: оба *decadents*, оба не способны действовать иначе, как только разлагая, отравляя, угнетая, высасывая кровь, оба – инстинкт смертельной ненависти против всего, что возвышается, что велико, что имеет прочность, что обещает жизни будущность... Христианство было вампиром *imperii Romani*; за ночь погубило оно огромное дело римлян – приготовить почву для великой культуры, требующей времени. – Неужели всё ещё этого не понимают? Известная нам *imperium Romanum*, с которой мы лучше всего знакомимся из истории римских провинций, это замечательнейшее художественное произведение великого стиля, было лишь началом, его строение было рассчитано на тысячелетия, – никогда до сих пор не только не строили так, но даже не мечтали о том, чтобы строить настолько *sub specie aeterni*! – Эта организация была достаточно крепка, чтобы выдержать скверных императоров: случайность личностей не должна иметь значения в подобных вещах – первый принцип всякой великой архитектуры. Но она не могла устоять против самого разрушительного вида разложения – против христианина... Этот потайной червь, который во мраке, тумане и двусмысленности вкрался в каждую отдельную личность и из каждого высосал серьёзное отношение к истине, вообще инстинкт к реальности; эта трусливая, феминистская и слашавая банда, шаг за шагом отчуждая «души» от грандиозного строительства, отчуждала те высокоценные, те мужественно-благородные натуры, которые чувствовали дело Рима как своё собственное дело, свою собственную нешуточность, свою собственную гордость. Пронырство лицемеров, скрытные сборища, такие мрачные понятия, как ад, как жертва невинного, как *unio mystica* в питии крови, и прежде всего медленно раздуваемый огонь мести, мести чандалы, – вот что стало господствовать над Римом, тот род религии, которому уже Эпикур объявил войну в его зародышевой форме. Читайте Лукреция [80], чтобы поуять, с чем боролся Эпикур, не с язычеством, но с «христианством», я хочу сказать, с порчей душ через понятия вины, наказания и бессмертия. – Он боролся с подземными культами, со всем скрытым христианством, – отрицать бессмертие было тогда уже истинным освобождением. – И Эпикур победил, всякий достойный уважения дух в римском государстве был эпикурейцем: но вот явился Павел... Павел, сделавшийся плотью и гением гнева чандалы против Рима, против «мира», жид, вечный жид *par excellence*... Он угадал, что при помощи маленького сектантского христианского движения можно зажечь «мировой пожар» в стороне от иудейства, что при помощи символа «Бог на кресте» можно суммировать в одну чудовищную власть всё, лежащее внизу, всё втайне мятежное, всё наследие анархической пропаганды в империи. «Спасение приходит от иудеев» [81]. – Христианство, как формула, чтобы превзойти всякого рода подземные культы, например Осириса, Великой Матери, Митры [82], и чтобы суммировать их, – в этой догадке и заключается гений Павла. В этом отношении инстинкт его был так верен, что он, беспощадно насилуя истину, вкладывал в уста «Спасителю» своего изобретения те представления религий чандалы, при помощи которых затемнялось сознание; он делал из него нечто такое, что было понятно и жрецу Митры... И вот перед нами момент в Дамаске [83]: он понял, что ему необходима вера в бессмертие, чтобы обесценить «мир», что понятие «ад» даёт господство над Римом, что «потустороннее» умерщвляет жизнь... Нигилист и христианин (*Nihilist und Christ*) – это рифмуется, и не только рифмуется...

Вся работа античного мира напрасна: у меня нет слов чтобы выразить чудовищность этою. – И принимая в соображение, что эта работа была только предварительной работой, что гранитом его самосознания был заложен лишь фундамент к работе тысячелетий, – весь смысл античного мира напрасен!.. К чему греки? к чему римляне? – Там были уже все предпосылки к научной культуре, все научные методы, было твёрдо поставлено великое несравненное искусство хорошо читать, – эта предпосылка к традиции культуры, к единству науки; естествознание в союзе с математикой и механикой было на наилучшем пути, – понимание фактов, последнее и самое ценное из всех пониманий, имело свои школы, имело уже столетия традиций! Понятно ли это? Всё существенное было найдено, чтобы можно было приступить к работе: методы, повторяю десять раз, это и есть самое существенное, а вместе с тем и самое трудное, то, чему упорнее всего противятся привычки и лень. Все дурные христианские инстинкты сидят ещё в нас, и нужно было огромное самопринуждение, чтобы завоевать свободный взгляд на реальность, осмотрительность в действии, терпение и серьёзность в самомалейшем, всю честность познания, – и всё это уже было там! было уже более чем два тысячелетия перед этим! Прибавьте сюда ещё тонкий такт и вкус! Не как дрессировка мозга! Не как «немецкое» образование с вульгарными манерами! Но как тело, как жесты, как инстинкт, – одним словом, как реальность! Всё напрасно! За одну лишь ночь стало это только воспоминанием! – Греки! римляне! Благородство инстинкта, вкус, методическое исследование, гений организации и управления, вера, воля к будущему людей, великое утверждение всех вещей, воплотившихся в *imperium Romanum*, и очевидных для всех чувств, великий стиль, сделавшийся не только искусством, но реальностью, истиной, жизнью... – И всё это завалено не через какую-нибудь внезапную катастрофу! Не растоптано германцами или иными увальнями! Но осквернено хитрыми, тайными, невидимыми малокровными вампирами! Не побеждено – только высосано!.. Скрытая мстительность, маленькая зависть стали господами! Разом поднялось наверх всё жалкое, страдающее само по себе, охваченное дурными чувствами, весь душевный мир гетто!.. Нужно только почитать какого-нибудь христианского агитатора, например св. Августина [84], чтобы понять, чтобы почувствовать обонянием, какие нечистоплотные существа выступили тогда наверх. Совершенно обманулись бы, если бы предположили недостаток ума у вождей христианского движения: о, они умны, умны до святости, эти господа отцы церкви! Им недостаёт совсем иного. Природа ими пренебрегла, – она забыла уделить им скромное приданое честных, приличных, чистоплотных инстинктов... Между нами будь сказано, это не мужчины... Если ислам презирает христианство, то он тысячу раз прав: предпосылка ислама – мужчины...

Христианство погубило жатву античной культуры, позднее оно погубило жатву культуры ислама. Чудный мавританский культурный мир Испании [85], в сущности более нам родственный, более говорящий нашим чувствам и вкусу, чем Рим и Греция, был растоптан (– я не говорю, какими ногами). Почему? потому что он обязан своим происхождением благородным мужественным инстинктам, потому что он утверждал жизнь также и в её редких мавританских утончённостях... Крестоносцы позже уничтожали то, перед чем им приличнее было бы лежать во прахе, – культуру, сравнительно с которой даже наш девятнадцатый век является очень бедным, очень «запоздавшим». – Конечно, они хотели добычи: Восток был богат... Однако смущаться нечего. Крестовые походы были только пиратством высшего порядка, не более того! Немецкое дворянство, в основе своей – дворянство викингов, было, таким образом, в своей стихии: церковь знала слишком хорошо, как ей быть с немецким дворянством... Немецкое дворянство – всегдашние «швейцарцы» церкви [86], всегда на службе у всех дурных инстинктов церкви, но на хорошем жалованье... Как раз церковь, с помощью немецких мечей, немецкой крови и мужества, вела смертельную войну со всем благородным на земле! В этом пункте сколько наболевших вопросов! Немецкого дворянства почти нет в истории высшей культуры, и можно догадаться почему: христианство, алкоголь – два великих средства разложения... Не может быть выбора между исламом и христианством, так же как между арабом и иудеем. Решение дано, и никто не волен выбирать. Или мы чандала или не чандала... «Война с Римом на ножах! Мир, дружба с исламом»: так чувствовал, так поступал тот великий свободный дух, гений среди немецких императоров, Фридрих Второй [87]. Как? неужели, чтобы прилично чувствовать, немцу нужно быть гением, свободным духом? Я не понимаю, как немец мог когда-нибудь чувствовать по-христиански...

Здесь необходимо коснуться воспоминаний, ещё в сто раз более мучительных для немцев. Немцы лишили Европу последней великой культурной жатвы, которую могла собрать Европа, – культуры Ренессанса. Понимают ли наконец, хотят ли понять, что такое был Ренессанс? Переоценка христианских ценностей, попытка доставить победу противоположным ценностям, благородным ценностям, при помощи всех средств, инстинктов, всего гения... До сих пор была только эта великая война, до сих пор не было постановки вопросов более решительной,

чем постановка Ренессанса, – мой вопрос есть его вопрос: никогда нападение не было проведено более основательно, прямо, более строго по всему фронту и в центре! Напасть в самом решающем месте, в самом гнезде христианства, здесь возвести на трон благородные ценности, я хочу сказать, возвести их в инстинкты и глубокие потребности и желания там восседающих... Я вижу перед собой возможность совершенно неземного очарования и прелести красок: мне кажется, что она сверкает всем трепетом утончённой красоты, что в ней искусство действует так божественно, так чертовски божественно, что напрасно мы искали бы в течение тысячелетий второй такой возможности; я вижу зрелище, столь полное смысла и вместе с тем удивительно парадоксальное, что все божества Олимпа имели бы в нём повод к бессмертному смеху, – Цезаре Борджа папа... Понимают ли меня?... Это была бы победа, которой в настоящий момент добиваюсь только я один: тем самым христианство было уничтожено! – Но что случилось? Немецкий монах Лютер пришёл в Рим. Этот монах, со всеми мстительными инстинктами неудавшегося священника, возмутился в Риме против Ренессанса... Вместо того, чтобы с глубокой благодарностью понять то чудовищное, что произошло, – победу над христианством в его гнезде, он лишь питал этим зрелищем свою ненависть. Религиозный человек думает только о себе. – Лютер видел порчу папства, в то время как налицо было противоположное: уже не старая порча, не *reccatum originale*, не христианство восседало на папском престоле! Но жизнь! Но триумф жизни! Но великое Да всем высоким, прекрасным, дерзновенным видам!.. И Лютер снова восстановил церковь: он напал на неё... Ренессанс – явление без смысла, вечное напрасно. – Ах, эти немцы, чего они уже нам стоили! Напрасно – это всегда было делом немцев. – Реформация, Лейбниц, Кант и так называемая немецкая философия, войны за «свободу», империя – всякий раз обращается в тщету то, что уже было, чего нельзя уже вернуть назад... Сознаюсь, что это мои враги, эти немцы: я презираю в них всякого рода нечистоплотность понятия и оценки, трусость перед каждым честным Да и Нет. Почти за тысячу лет они все сбили и перепутали, к чему только касались своими пальцами, они имеют на своей совести все половинчатости – три восьмьмых! – которыми больна Европа, они имеют также на совести самый нечистоплотный род христианства, какой только есть, самый неизлечимый, самый неопровержимый – протестантизм... Если не справятся окончательно с христианством, то немцы будут в этом виноваты...

62

– Этим я заканчиваю и высказываю мой приговор. Я осуждаю христианство, я выдвигаю против христианской церкви страшнейшие из всех обвинений, какие только когда-нибудь бывали в устах обвинителя. По-моему, это есть высшее из всех мыслимых извращений, оно имело волю к последнему извращению, какое только было возможно. Христианская церковь ничего не оставила не тронутым в своей порче, она обесценила всякую ценность, из всякой истины она сделала ложь, из всего честного – душевную низость. Осмеливаются ещё мне говорить о её «гуманитарных» благословениях! Удалить какое-нибудь бедствие – это шло глубоко вразрез с её пользой: она жила бедствиями, она создавала бедствия, чтобы себя увековечить... Червь греха, например, таким бедствием впервые церковь обогатила человечество! – «Равенство душ перед Богом», эта фальшь, этот предлог для *gaucines* всех низменно настроенных, это взрывчатое вещество мысли, которое сделалось наконец революцией, современной идеей и принципом упадка всего общественного порядка, – таков христианский динамит... «Гуманитарные» благословения христианства! Выдрессировать из *humanitas* [88] само противоречие, искусство самоосквернения, волю ко лжи во что бы то ни стало, отвращение, презрение ко всем хорошим и честным инстинктам! Вот что такое, по-моему, благословения христианства! – Паразитизм, как единственная практика церкви, высасывающая всю кровь, всю любовь, всю надежду на жизнь своим идеалом бледной немочи и «святости»; потустороннее как воля к отрицанию всякой реальности; крест как знак принадлежности к самому подземному заговору, какие когда-либо бывали, – заговору против здоровья, красоты, удачливости, смелости, духа, против душевной доброты, против самой жизни...

Это вечное обвинение против христианства я хочу написать на всех стенах, где только они есть, – у меня есть буквы, чтобы и слепых сделать зрячими... Я называю христианство единым великим проклятием, единой великой внутренней порчей, единым великим инстинктом мести, для которого никакое средство не будет достаточно ядовито, коварно, низко, достаточно мало, – я называю его единым бессмертным, позорным пятном человечества...

И вот считают время с того *dies nefastus* [89], когда начался этот рок, с первого дня христианства! – Почему лучше не с последнего? – Не с сегодняшнего? – Переоценка всех ценностей!

Примечания

А.М. Руткевича

1. Заратустра (Заратуштра) – речь идет не о реформаторе иранской религии (время его жизни относят предположительно к VII – 1-й половине VI вв. до н.э.), создавшем дуалистическое учение о сечной борьбе доброго и злого начала (Ахурамазда и Анхара-Майнью), а о герое книги Ницше «Так говорил Заратустра», то есть о пророке «вечного возвращения» и «сверхчеловека», «сокрушителей скрижалей» всех существующих моральных ценностей.

2. Лабиринт – в античной мифологии построенное Дедалом по приказу царя Миноса сооружение со сложным и запутанным планом, в котором был скрыт от глаз смертных чудовищный человекобык Минотавр. Его убивает герой Тесей, который выбирается затем из Лабиринта с помощью «нити Ариадны». Во многих произведениях Ницше встречаются связанные друг с другом образы Лабиринта, Тесея, Ариадны и Диониса, справляющего свадьбу с Ариадной после того, как она была оставлена Тесеем на острове Наксос. Эти образы использовались Ницше для символической передачи главных идей его учения (Тесей – «высший человек», не выполняющий своего назначения; «сверхчеловек» как порождение брака Диониса и Ариадны и т.д.). В то же время они имели для Ницше и личный смысл. Так, Ариадна ассоциировалась с Козимой Вагнер, свои последние – уже полубезумные – письма он подписывал «Дионис».

3. Семикратный опыт одиночества – опыт семи одиночеств – переосмысленный Ницше образ из Апокалипсиса – «И когда он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе...» (Откр. 8:1). Подобно тому как агнец снимает с книги Откровения все семь печатей, так и Заратустра, сняв шесть из них, готовится к тому, чтобы в одиночестве снять оставшуюся седьмую печать. Поэтическая разработка данного образа – в стихотворении Ницше «Знаки огня».

4. Гипербореицы, или гипербореи – мифический народ, живущий в волшебной стране на далеком Севере, за пределами царства северного ветра Борея (отсюда название). Гипербореи живут при свете вечного дня, в блаженстве, не зная ни болезни, ни смерти, проводя свою жизнь в песнопениях и танцах среди священных полей и лесов. Это царство Аполлона, в котором он проводит зимние месяцы. В поздних трудах Ницше уже нет прежнего противопоставления аполлоновского и дионисийского начал; теперь именем Диониса обозначается мироощущение, включающее в себя оба эти начала. Идеализированная архаическая Греция противопоставляется христианству.

5. Пиндар. Десятая Пифийская песнь.

6. Современный человек. Гневные обличения Ницше направлены против всей современности, рождающей «последнего человека»: «презреннейшего человека, который уже не сможет презирать себя», который все делает мелким, живет «маленькими удовольствиями» стадного животного. Современники – жители «страны культуры», позаимствовавшие у всех народов и эпох разнородные идеалы и ценности. «Все времена и народы, разноцветные, смотрят из-под покровов ваших: все обычаи и верования говорят беспорядочно в жестах ваших. Если бы кто совлек с вас одеяния и покровы, краски и жесты: у него осталось бы ровно столько, чтобы пугать птиц» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб., 1913, с. 146).

7. широта, великодушие (франц.).

8. Добродетель в стиле Ренессанса, *virtu*. Ницше отождествлял ренессансное понимание добродетели с ее трактовкой в греческой рахаике («калокагатия»), когда между «добрым» и «прекрасным», моральным и эстетическим отсутствовала четкая граница. Прекрасное лицо или телосложение могло считаться свидетельством прекрасной души. Только у Сократа, по мнению Ницше, моральные ценности были противопоставлены «жизни», которая в результате была обесценена. Произошло «удвоение мира», появилось трансцендентное царство ценностей. Но становление «невинно», оно «стоит по ту сторону добра и зла», а потому и добродетель должна быть без «моралины». Добродетелью становится самоутверждение жизни, воля к власти.

9. Учение Ницше о воле к власти, непрерывной «войне» в природе и обществе возникло под несомненным влиянием эволюционизма Ламарка и Дарвина. Концепция «сверхчеловека» и мораль, гласящая: «падающего – толкни», многими чертами напоминают социал-дарвинистскую теорию второй половины XIX в. Вместе с тем Ницше неоднократно указывал на свои расхождения с концепцией «естественного отбора» и вообще отрицал наличие эволюции в живой природе. Тем более неприемлемой была для него доктрина общественного прогресса. Ни в природе, ни в обществе, с точки зрения Ницше, нет «естественного отбора» лучших и сильнейших («Не нужно путать природу с Мальтусом», – писал он в «Сумерках кумиров»). «Естественный отбор» способствует не «лучшим», а «наихудшим», «стаду», которое умеет приспособливаться, побеждает большим числом, хитростью. «Высшие люди» – всегда счастливые исключения, а не результат эволюции.

10. Паскаль. Отношение к великому французскому ученому и философу Блезу Паскалю (1623-1662) было у Ницше двойственным. Несомненно влияние на него французских моралистов XVII в., в том числе и Паскаля, особенно в понимании человеческой психологии. Ницше писал, что Паскаль умер слишком рано, «чтобы иметь возможность из глубины своей великолепной и горестной души осмеять христианство, как он успел осмеять иезуитов». Предсказание вряд ли точное, живи Паскаль дольше, он скорее всего закончил бы свою «Апологию

христианства». Паскаль был для Ницше и примером того, как христианство «совращает» высших людей, делает их «декадентами». Паскаль, писавший о человеческом «ничтожестве», о «порче» всей человеческой природы в результате грехопадения, искупаемой лишь благодатью, является очевидным оппонентом Ницше, а потому он заявляет о «порче» разума самого Паскаля христианством. Подробнее он писал о Паскале в книге «По ту сторону добра и зла», перед сознанием которой внимательно изучал как произведения Паскаля, так и исследования Сент-Бева «Пор-Рояль», в котором подробно излагается биография французского мыслителя.

11. Декаданс понимается Ницше не только как совокупность явлений в культуре конца XIX в. Литературно-художественный декаданс сам является порождением нигилизма, умственного и физического вырождения «высших людей» европейской цивилизации. Декаданс – это победа слабых над сильными, триумф «рабской морали», умерщвление воли, хаотическая спутанность инстинктов и страстей. Вместо того чтобы действовать, декадент, жертва излишней чувствительности, стремится избавиться от страданий в опьянении или с помощью наркотиков; но страдания могут уменьшать и «искусство для искусства», и социальные реформы. В мстительной злобе декадент становится анархистом, разрушителем общества.

12. Воля к власти – центральное понятие ницшеанства. Пытаясь свести различные качественные состояния психики (инстинкты, эмоции, интеллект и т.д.) к какому-то единому основанию, Ницше приходит к понятию «воля к власти». Сила импульсов, то есть количественные различия, лежит в основе качественных различий. В деятельности великого полководца, в творчестве художника или ученого воля к власти максимально, поскольку здесь предельно выражены самообладание, самопреодоление. Власть над собою выше, чем власть над другими. От психологической трактовки воли к власти Ницше переходит к онтологической ее интерпретации. Весь космос понимается им как непрерывная борьба «квантов власти», каждый из которых стремится к господству над всеми остальными, желает стать организующим центром всего мира. Социальные по сути своей отношения господства и подчинения переносятся на весь мир, тогда как собственно социальный мир понимается как вечная война соперничающих волей.

13. Противопоставление страдания и сострадания является одним из центральных положений Ницше. Страдание способствует самопреодолению (*Selbstüberwindung*), росту власти над самим собой; высшее здоровье заключается в способности преодолевать болезнь и боль. Сострадание, напротив, расслабляет, уменьшает «волю к власти». Ср.: "Ах, где в мире совершались большие безумства, чем у сострадательных? И что в мире причиняло большие страдания, чем безумства сострадательных? Горе всем любящим, еще не достигшим такой высоты, которая выше сострадания их! Так говорил мне однажды дьявол: «даже у бога есть ад свой: это любовь его к людям». А недавно слышал я, как говорил он: «Бог умер, из-за сострадания к людям умер бог» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра, с.113). Христианство есть религия милосердия, сострадания; собственное достоинство Ницше провозглашает религией страдания и жизнеутверждения («великого Да жизни»).

14. Шопенгауэр Артур (1788-1860) – немецкий философ, создатель учения о «мире как воле и представлении». Учение о темной, иррациональной «мировой воле» послужило важнейшим источником понятия «воля к власти» Ницше. Однако Ницше радикально изменил как трактовку воли (не «воля к жизни», а «воля к власти», не единая мировая воля, а плюрализм волей), так и всю совокупность социально-этических выводов из этого учения. Шопенгауэр с его пессимизмом, пониманием жизни как мира страдания, отречение от которого – цель философа, становится для Ницше образцом «пассивного нигилизма», «европейского буддизма»; этика сострадания Шопенгауэра подвергается резкой критике наряду с христианской этикой милосердия.

15. Нигилизм. Термин «нигилизм» Ницше позаимствовал у французского писателя Поля Бурже, который в свою очередь взял его у Тургенева. У Ницше «нигилизм» обозначает потерю всех ценностей, ведущую к декадансу, вырождению человечества. Нигилизм (от лат. *nihili* – ничто) ведет к потере смысла существования: "Высшие ценности обесцениваются. Нет цели, нет ответа на вопрос: «Зачем?» (Ницше Ф. Воля к власти, 11, 43). Ницше начинает историю европейского нигилизма с идеалистической философии Сократа и Платона, в которой над дионисийским становлением жизни возвысился мир идей; христианство («платонизм для стада») ведет к дальнейшему обесцениванию жизни, а тем самым подготавливает полную утрату смысла жизни. Христианство постепенно разлагается («Бог умер»), а вместе с ним исчезают и все оторванные от мира ценности. «Пассивному нигилизму» (философия Шопенгауэра, декаданс, «европейский нигилизм») Ницше противопоставляет собственный «активный нигилизм», то есть деятельное отрицание всех прежних ценностей и утверждение новых, «жизненных ценностей» – «воли к власти», «вечного возвращения», «сверхчеловека».

16. первородный грех (лат.).

17. Тюбингенский институт. Речь идет о Тюбингенской школе, группе либеральных протестантских богословов – гегельянцев, историков христианства (Ф.К. Баур, Д. Штраус). Представители школы провели ряд историко-

филологических исследований евангелий. Ницше считал историко-критические труды Тюбингенской школы недостаточно радикальными, половинчатыми, отсюда его резко негативные оценки.

18. Ликование при появлении Канта. Ницше неоднократно подвергал самой уничижительной критике (а то и просто брани) учение Канта за его компромиссный характер. В «Критике чистого разума» Кант показал несостоятельность всех богословских доказательств бытия бога, но целью Канта было «ограничить знание, чтобы освободить место вере», и в «Критике практического разума» он принимает существование бога как высшего гаранта нравственного миропорядка. Поэтом, хотя при жизни Канта его «религия в пределах одного лишь разума» опровергалась протестантскими богословами, в дальнейшем это учение было приспособлено для сохранения «истин веры» в условиях, когда стало ясно, что никакая рациональная аргументация не способна дать им подтверждение. Ницше не устраивало прежде всего этическое учение Канта.

19. Лютер Мартин (1483-1546) – основатель протестантизма, один из вождей Реформации. Теологическим обоснованием разрыва с католической церковью служили учения Лютера о предопределении и об «оправдании верою». Единственным источником веры он считал «откровение», то есть св. писание (а не предание, авторитет церкви). Ницше был сыном протестантского священника, он вырос в исповедующей ортодоксальное лютеранство семье, и на его восприятие христианства в целом наложила отпечаток лютеровская интерпретация христианства. Именно Лютер довел до предела противопоставление разума и веры, произносил также такие хулы в адрес разума, что дал тем самым Ницше возможность говорить об изначальной враждебности христианства разуму. Учение о спасении «только верою» (а не благими деяниями) было приписано Ницше вслед за Лютером апостолу Павлу и христианству вообще. Лютер был готов считать апокрифом послание апостола Иакова только потому, что в нем есть слова: «Видите ли, что человек оправдывается делами, а не верою только?.. Ибо как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак. 2:24,26). Хотя хорошо известны слова Павла: «А теперь пребывают... три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше», Ницше, вслед за Лютером, считал Павла проповедником спасения «только верою». Это дало ему возможность противопоставить Христа и Павла. Деятельность Лютера и Реформация вообще оценивались Ницше резко отрицательно, как «плебейский бунт» против итальянского Ренессанса.

20. Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646-1716) – немецкий философ и ученый. В «Теодицее» Лейбница обосновывается компромисс между наукой и теологией; Ницше видел в этом попытку соединения разума и веры, разьединенных Лютером.

21. Чандала – «нечистые», «неприкасаемые» в Индии, то есть не входящие ни в одну варн (брахманов, кшатриев, вайш и шудр).

22. Декарт Рене (1596-1650) – французский философ и естествоиспытатель. Ницше высоко оценивал физику и физиологию Декарта, представление о животных как «машинах», «механизмах» (Декарт открыл безусловный рефлекс), однако рационалистическую метафизику французского мыслителя он не принимал. Декарт утверждал существование духовной субстанции и проводил онтологическое доказательство бытия бога, исходя из постулата: «Я мыслю, следовательно, я существую» (cogito ergo sum). Ницше отвергал cogito в качестве незыблемого фундамента человеческого мышления, так как считал, что за мышлением стоят волевые импульсы. Декарт также считал «свободную волю» независимой от разума, но «воля к власти» Ницше радикально отличается от картезианской воли. Рациональное мышление есть лишь выражение инстинктивных влечений, иррациональных импульсов. Ницше не отрицает разума вообще (это видно хотя бы по тексту «Антихристианина»), он видит в нем сильный инструмент, орудие «воли к власти». Но о какой бы то ни было автономии разума не может быть и речи, разум детерминируется влечениями. В этом смысле Ницше пытается использовать сказанное Декартом по отношению к животным – человек является своего рода механизмом.

23. Горение, пыл, рвение (франц.).

24. Ренан Жозеф Эрнест (1823-1892) – французский историк, писатель. В трудах «История происхождения христианства», «История израильского народа» он критиковал Библию с позиции Тюбингенской школы. Известность Ренану принесла книга «Жизнь Иисуса» (1863), в которой на основе евангелий и других источников Ренан изобразил Иисуса Христа не как богочеловека, а как симпатичного галилейского проповедника. Все сверхъестественное было отвергнуто, а тем самым были отвергнуты и основные христианские догматы. Иисус стал проповедником морали. Ницше во многих работах обрушивался на Ренана, видел в нем своего «антипода» (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла; Сумерки кумиров).

25. По преимуществу (фр.).

26. подполье (франц.).

27. с точки зрения Спинозы (лат.). Спиноза. Ницше «открыл» для себя философию Спинозы в 1881 г. Он восхищался смелостью спинозовской критики религии, использовал аргументы Спинозы против «свободы воли». Вместе с тем он порицал рационализм Спинозы, его «интеллектуальную любовь к богу»; в теории познания Ницше противопоставлял рационалистическому учению об интеллектуальной интуиции свой «перспективизм». Каждый познающий субъект есть конкретная, определяемая волевыми импульсами «перспектива», точка зрения на мир, придающая ему организацию, приспособляющая его к своим устремлениям. Есть бесконечное число волей, ведущих борьбу друг с другом, в том числе и посредством познания. Мир алогичен в своем гераклитовском потоке становления; поэтому нет интеллектуальной интуиции *sub specie aeterni* (с точки зрения вечности), открывающей мир в его независимой от познающего истине. Нет истин «в себе», истина определяется Ницше как полезная ложь – хаос событий организуется на свой манер каждой из перспектив, познание тем истиннее, чем оно полезнее для оста «воли к власти». Таким образом, единой перспективе познающего *sub specie aeterni* субъекта Ницше противопоставляет плюрализм волей, использующих познание в борьбе за власть: познание не имеет автономного характера, истина, как таковая, не существует. В учении Спинозы и других философов-рационалистов Ницше видит наследие «сократизма» и христианства.

28. Крайняя и высшая степень (лат.).

29. творческих дух (лат.).

30. Буддизм. Учение Будды Гаутамы стало широко известно в Европе лишь во второй половине XIX в. Ницше познакомился с ним в 70–80 гг. благодаря трудам таких индологов, как его школьный товарищ П. Дейссен, Кеппен, Ольденбург. Европейская литературно-художественная богема в те годы осваивала буддизм, некоторые близкие знакомые Ницше именовали себя «буддистами» (Л. Саломе, например). Ницше привлекали такие черты буддизма, как феноменализм в теории познания, отрицание "Я", учение о перевоплощении и особенно тезис о том, что жизнь есть страдание. Европейская культура, полагал Ницше, наконец-то созрела для появления такого «более чистого», чем христианство, варианта нигилизма. Но именно потому, что буддизм равен для Ницше последовательному и честному нигилизму, отрицающему страдание, а вместе с тем и саму жизнь, он противопоставляет буддизму свой «жизнеутверждающий» миф о «вечном возвращении» и учение о воле к власти". Ясно, что Ницше понимает буддизм по образу и подобию философии Шопенгауэра, независимо от его реальной истории.

31. Ressentiment (франц. – злоба, злопамятство) – одно из важнейших понятий психологии Ницше. Воля к власти может выступать не только как активная, но и как реактивная сила, то есть обратиться против самой себя. У слабых, проигрывающих в открытой борьбе, воля к власти подавляется, вытесняется, становится бессознательной, меняет свои формы. Слабые уподобляются лисе в басне Лафонтена, говоря «зелен виноград»; недоступное им объявляется морально дурным, недостойным, порочным. Сильные осуждаются с точки зрения «высших ценностей», каковыми на деле являются ценности слабых и неспособных; из нужды они делают добродетель. Типом человека, для которого наиболее характерен *ressentiment*, Ницше считает священника: непрерывно говоря о добродетели, он стремится на деле к власти над более высокими типами людей. В *ressentiment* Ницше видит главный источник морали.

32. Сократ (470/469–399 до н.э.) – великий древнегреческий философ, жизнь и идеи которого известны в основном по произведениям его учеников – Платона и Ксенофонта, так как Сократ ничего не писал, но вел философские беседы на улицах и площадях Афин. Был обвинен в «безбожии» и приговорен к смерти. Ницше считал Сократа гениальным мыслителем, но видел в нем первого в истории Европы декадента, нигилиста. Рационализм Сократа, его учение о моральных ценностях, теология рассматриваются Ницше как воля к отрицанию жизни, противоположная дионисийскому, трагическому началу жизни. Именно Сократ противопоставил потоку становления надвременное царство идей, «соблазнил» афинское юношество, прежде всего Платона. Ницше подчеркивает плебейское происхождение Сократа («*canaille*»), видит в его иронии торжество "демократической" рассудочности над жизнью.

33. Вольность, вольнодумство (фр.).

34. «Брахманы... Платон» – брахманы – высшая жреческая каста в Индии, Платон (427–348 или 347 до н.э.) – великий древнегреческий философ-идеалист. Подвергая критике христианство и «европейский буддизм», Ницше видит образец общественного устройства в кастовом обществе Древней Индии. Отрицательное отношение к платоновскому идеализму не мешало Ницше высоко оценивать политическое учение Платона, в котором общество подразделялось на три сословия: мудрецов-философов, воинов и трудящихся (в позднем

диалоге «Законы» речь идет также и о рабах). Это деление полностью соответствовало делению индоариев на варны: священники – брахманы, воины – кшатрии, свободные общинники – вайшьи, рабы – шудры. Ницше противопоставляет христианству не только законы Ману, но также эзотерическую мудрость брахманов и платоновский идеализм, так как в них не придается большого значения вере, вопрос о личном спасении в христианском смысле вообще лишен всякого смысла; речь идет не о загробном воздаянии на все времена, а о законе кармы и об освобождении от вечного круговорота перевоплощений (сансара, метемпсихоз). Освобождение достигается не верой, а познанием истины, хотя познание предполагает и целый ряд этических требований.

35. Культа Афродиты, Адониса. Ницше пишет о распространившихся по всей Римской империи культах Великой матери (Афродита в религиозном эклектизме того времени смешивалась с Исидой, Кибелой), умирающего и воскресающего бога Адониса, заимствованного греками у финикийцев и сделавшегося возлюбленным Афродиты. Культы Великой матери оказали определенное влияние на христианское почитание богородицы; культы Осириса, Адониса и других умирающих и воскресающих богов подготавливали почву для принятия язычниками христианства.

36. Иоан. 4:[22].

37. Крайняя степень (лат.).

38. Христианство Павла – св. Павел (прим. 5-65 гг. н.э.) – «апостол язычников». Родился в Тарсе, имел римское гражданство. Был одним из наиболее активных гонителей христиан среди фарисеев. Обращение произошло на пути в Дамаск, Савл стал Павлом. (см. прим. 60). В дальнейшем проповедовал христианство в разных районах Римской империи, был арестован в Иудее и отправлен в Рим (как римского гражданина его не могли судить в Иерусалиме). Согласно преданию, был предан мученической смерти во время гонений Нерона на христиан. О странствиях Павла рассказывается в Деяниях апостолов, написанных учеником Павла – евангелистом Лукой. До нас дошел целый ряд посланий Павла, большая часть которых скорее всего принадлежит именно Павлу. Влияние «апостола язычников» на всю последующую историю христианства огромно – основные положения христианской теологии восходят к его посланиям. Для Ницше Павел является, пожалуй, самым ненавистным персонажем истории, искавшим смысл учения Христа, приспособившим его для «черни» всей Римской империи, а затем и варваров. Противопоставляя друг другу Христа и Павла, Ницше исходил из лютеровской интерпретации посланий апостола (см. прим. 19). В противопоставлении Христа и всего последующего христианства определенное влияние на Ницше мог оказать Л.Н. Толстой, книга которого «Моя религия» была известна Ницше (во французском переводе 1885 г.). Толстой видел ключ ко всему христианству в словах Христа о непротавлении злу насилием, считал все позднейшее христианство отклонившимся от этой изначальной заповеди. Ницше говорит о «непротавлении злу» как о «глубочайшем слове евангелия», в определенном смысле «ключу к нему».

39. Исаия – библейский пророк. Согласно традиции деятельность Исаии относится к периоду с 740 г. до 701 г. до н.э., когда произошел захват Ассирией Иудейского царства. По традиции Исаие приписывается вся Книга пророка Исаии в Ветхом завете, но ему принадлежат, вероятно, лишь главы 1-12, 16-22, 28-32, в которых речь идет о политических реалиях того времени. Отсюда характеристика Ницше – «критик и сатирик момента».

40. В делах истории (лат.).

41. Моисей – в иудейской и христианской традициях первый пророк Яхве и основатель его религии, законодатель и политический вождь евреев во время исхода из Египта в Ханаан. Моисей получает на Синайской горе десять заповедей от Яхве – запреты и повеления, регулирующие взаимоотношения людей с богом и друг с другом. К ним прибавляется еще целый ряд ритуальных, моральных и юридических предписаний. Так называемое Пятикнижие Моисеево включает в себя первые книги Библии: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие.

42. Прибежище (лат.).

43. Штраус Давид Фридрих (1808-1874) – немецкий теолог, представитель Тюбингенской школы. В своей «Жизни Иисуса» (1835-1836) применил «мифологическую теорию» при рассмотрении евангелий. Считал легендами («мифами») все сверхъестественные события Нового завета. Эта работа оказала значительное влияние на Ницше в молодости. Однако позднее труды Штрауса («Жизнь Иисуса, переработанная для немецкого народа» и др.) вызвали возмущение Ницше, видевшего в них попытку создать некую «эрац-религию». Уже в ранних работах Ницше (например, в «Несвоевременных размышлениях») полемизирует со Штраусом, не принимая, в

частности, национализм и «прогрессивизм» последнего. Исторический оптимизм Штрауса, верившего в прогресс человечества благодаря развитию знания, вызывал резкие возражения Ницше.

44. Состояние (лат.).

45. Эпикур (341-270 до н.э.) – древнегреческий философ. Характеризуя Эпикура как «типичного декадента», а его учение как «языческое учение об искуплении», Ницше имеет в виду этику Эпикура. В ней утверждалось, что по самой природе человеку присуще стремление к удовольствию и к тому, чтобы избегать страданий; «здоровое тело» и «безмятежность духа» понимались как цель счастливой жизни. По Эпикуру, независимость от внешнего мира, невозмутимость духа (атараксия) достигаются путем обучения и упражнения («аскезы»), но это не умерщвление плоти, а благоразумие. «От благоразумия произошли все остальные добродетели: оно учит, что нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно». Достижение невозмутимости требует свободы от всех забот и тревог, прежде всего от страха смерти. Смерть не имеет к нам отношения: пока мы живы, ее нет, когда есть она, то нет нас. По мнению Ницше, ни Будда, ни Христос не учили о загробном воздаянии (в отличие от исторического христианства). В эпикуреизме Ницше видит древнегреческий вариант нигилизма, самый чистый, мудрый, лежащий за пределами всех религиозных обещаний о загробном воздаянии.

46. Иоанн Креститель (или Иоанн Предтеча) – по преданию начал проповедовать о близящемся приходе миссии на берегах Иордана, в 27 г. н.э. крестил в водах Иордана и самого Христа. Был казнен царем Иродом Антипой (Матф. 14:1-12).

47. Непременное свойство (лат.).

48. Великий мастер иронии (фр.).

49. Острый ум, остроумие (фр.).

50. Властный (фр.).

51. Санкхья – одна из шести ортодоксальных, то есть признающих авторитет Вед, школ древнеиндийской философии. Санкхья признает существование двух начал: пракрити (материальная первопричина) и пуруша (сознание, дух, "Я"). Материальное первоначало активно, является основой существования всех реальных объектов; дух пассивен. Освобождение от закона кармы, то есть круговорота рождений и смертей, от страданий достигается путем возвращения к своему подлинному "Я", выхода из материального мира с его причинно-следственными связями. Эта техника освобождения разработана в другой школе – Йоги.

52. Лао-цзы – полулегендарный основатель древнекитайского даосизма, ему приписывается написание в VI в. до н.э. трактата «Дао-дэ-цзин». Сравнивая воззрения Иисуса с учением Лао-цзы, Ницше имеет в виду даосское учение о недеянии, бездействии (у-вэй), то есть в подчинении естественному порядку, «пути» (дао) всех вещей, отсутствии всяких стремлений, идущих вразрез с дао.

53. Характеристика Христа как «идиота» была опущена в первых изданиях «Антихристианина» (цензура сестры – Э. Ферстер-Нитше). Характеристика эта, по мнению большинства исследователей, восходит к одноименному роману Ф.М. Достоевского. Именно по ассоциации с романом он употребляет слово «идиот» в письмах к Брандесу и Стринбергу, а также в «Ницше против Вагнера», во фрагментах, вошедших в «Волю к власти». О влиянии романа свидетельствуют и сравнения евангелий «с миром русского романа», и сожаления, что «вблизи этого интереснейшего из декадентов не жил какой-нибудь Достоевский». Достоевского Ницше считал «единственным психологом», у которого он «хоть чему-либо научился». Параллели между романами Достоевского и философскими трудами Ницше проводились многими исследователями.

54. «Не выставлена ли у порога христианской „веры“ история Амфитриона?» В древнегреческой мифологии Амфитрион – сын тиринфского царя Алкея, внук Персея. Ницше имеет в виду наиболее распространенный и получивший ряд литературных переработок сюжет: пока Амфитрион участвовал в военных походах, Зевс принял его образ, явился к его жене Алкмене и от него Алкмена зачала Геракла. Ницше иронически приравнивает этот сюжет к христианскому учению о непорочном зачатии и рождении Христа.

55. Подземные культы *impregium Romanum* – распространившиеся в последние века существования Древнего Рима различные восточные религиозные учения, соперничавшие с христианством и пролагавшие ему дорогу (митраизм, культы Кибелы, Адониса и др.).

56. «В сущности, был один христианин, и тот умер на кресте». Ср. Оценку Христа в «Так говорил Заратустра»: "Поистине, слишком рано умер тот еврей, которого чтут проповедники медленной смерти: и для многих стало теперь роковым, что он слишком рано умер.

Он познал еще только слезы и уныние еврея вместе с ненавистью добрых и праведных – этот еврей: тогда объяла его тоска по смерти.

Зачем не остался он в пустыне и вдали от добрых и праведных! Быть может, он научился бы жить и научился бы любить землю, и любить смех!

Верьте мне, братья мои! Он умер слишком рано, он сам отрекся бы от своего учения, если бы достиг моего возраста! Достаточно благоразумен был он, чтобы отречься!

Но незрел был он. Незрело любит юноша и незрело ненавидит он человека и землю. Еще привязаны и тяжелы у него крылья и чувства духа его! (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Спб., с. 96).

57. «Бесед на острове Наксос». Видимо, Ницше имеет в виду бракосочетание Диониса и Ариадны (его стихотворение «Плач Ариадны»).

58. Чернь (фр.).

59. I Коринф. 15:14.

60. «Родиной Павла была столица стоического Просвещения». Павел родился не в Иудее, а в Тарсе, где преобладало языческое население. Будучи иудеем, он имел римское гражданство, был знаком с греческой культурой. Параллели между христианством и римским стоицизмом проводили многие исследователи.

61. последнее основание (лат.).

62. Марк. 9:47-48. Ницше ошибочно указывает только 47.

63. «Хорошо наврал, лев». По традиции евангелист Марк изображался в образе льва (Лука – агнец, Иоанн – орел, Матфей – человек).

64. 1 Кор. 6:2. Ницше подчеркивает «вами», тогда как в оригинале подчеркнуто «дела».

65. Петроний Гай – римский писатель I в. н.э., автор «Сатирикона». Будучи придворным Нерона, был обвинен в участии в заговоре и покончил с собой в 66 г.

66. Цезарь Борджиа (Чезаре Борджа) (ок. 1475-1507) – сын папы Александра VI, стал епископом в 16 лет, кардиналом в 18, затем снял с себя духовный сан, с 1498 г. – герцог Валентино, с 1501 г. – герцог Романьи. Честолюбивым замыслом Борджиа, ради которых он шел на любые преступления, положила конец смерть его отца (отравившегося приготовленным для гостей ядом). Был вынужден покинуть Италию, и умер в Наварре. В идеализированном виде был изображен Макиавелли; Ницше неоднократно обращался к образу Цезаря Борджиа, полагал, что неосуществившейся возможностью Ренессанса был Цезарь Борджиа на папском престоле, то есть разложение христианства изнутри и полное преображение Европы.

67. Бог, каким его сотворил Павел, есть отрицание бога (лат.).

68. В ваящую честь божию (лат.).

69. Маниакально-депрессивный психоз (фр.).

70. гордыня (лат.).

71. способность, готовность (греч.).

72. парафраз вольтеровского: «Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать».

73. Карлейль Томас (1795-1881) – английский философ, писатель, историк. В философии Карлейля содержится немало положений, которые перекликаются с ницшеанством: резкая критика церкви и буржуазного мира, ценностей современной культуры, «культ героев» в истории, возвышающихся над массой «посредственностей». Однако Карлейль идеализировал корпоративную структуру феодального общества (иногда истолковываемую

как социализм); для Карлейля герои – высшие слуги человечества, а не «господа земли», как у Ницше, «сверхчеловек» которого принципиально отделяется от человека («человек есть то, что должно превозмочь», «человек есть канат, натянутый между обезьяной и сверхчеловеком», и т.д.).

74. «Савонарола, Лютер, Руссо, Робеспьер, Сен-Симон». Объединение этих отличающихся по своим воззрениям мыслителей не является случайным. Савонарола – критик не только папской курии, но и языческих мотивов в ренессансной культуре XV в., отец Реформации Лютер, Ж.-Ж. Руссо с его политическим учением, подготавливавшим Французскую революцию, и Робеспьер, воплощавший это учение в жизнь, наконец, Сен-Симон, один из первых теоретиков социализма – все они являются оппонентами Ницше, как фанатики – сторонники идеалов морали, равенства, демократии.

75. Законы Ману. Приписываемая легендарному прародителю людей и первооснователю индийского государства система законов; древнейший памятник политико-правовой мысли Древней Индии, в котором определены обязанности и нормы поведения людей различных каст.

Конфуций (ок. 551-479 до н.э.) – древнекитайский философ, основатель наиболее влиятельной школы древнекитайской философии.

Мухаммед – основатель ислама, Платон – древнегреческий философ. Здесь Ницше подчеркивает то общее, что имеется во всех этих религиозных, философских, правовых учениях («святая ложь»). Все они, с другой стороны, противопоставляются христианству, так как соответствуют его идеалам иерархически организованного общества, где правят «избранные», «благородные».

76. В одной фразе соединены два суждения апостола Павла о браке: «Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа» и «Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Кор. 7:2,9).

77. Непорочное зачатие (лат.).

78. На месте преступления, с поличным (лат.).

79. Созвучие немецких Christ и Anarchist обыгрывается Ницше во всех поздних его работах. Исторически такое сопоставление кажется недостоверным, если учесть яростные обличения христианства со стороны анархистов, иногда в сходной с Ницше манере. Например, Бакунин писал: «Если бог – все, то реальный мир и человек есть ничто. Если бог – истина, справедливость и бесконечная жизнь, то человек – ложь, несправедливость и смерть. Если бог – господин, то человек – раб... Бог существует, значит, человек – раб». В свою очередь церковь всегда осуждала анархизм. Иисус Христос был понят Ницше как анархист, но он сам подчеркивал отличие всего последующего христианства от Христа. Анархизм и христианство едины для Ницше как порождения ressentiment, мстительной зависти слабых, проявления нигилизма. Отсюда и рифмуемые Ницше «нигилист» и «христианин» (Nihilist und Christ).

80. Лукреций; Тит Лукреций Кар – римский поэт I в. до н.э., эпикуреец по своим философским воззрениям.

81. «Спасение от Иудеев» – Иоан. 4:22.

82. Культы Озириса, Великой матери богов, культ Митры – восточные религии проникшие в Римскую империю из Египта (Озирис), Сирии, Фригии (Великой матери), Ирана (Митры).

83. "Суть «Дамаска». В Деяниях апостолов и в посланиях апостола Павла содержится история превращения гонителя христиан Савла в «апостола язычников» – Павла; по дороге в Дамаск его «осиял» божественный свет, он услышал голос Христа, который говорил ему: «Савл, Савл! что ты гонишь меня?» – и велел идти в Дамаск, где ослепший прозрел и стал апостолом (Деян. 9).

84. Св. Августин – Августин Аврелий (354-430), святой католической церкви, «блаженный» в православной; христианский богослов и философ, виднейший представитель латинской патристики, непререкаемый авторитет в вопросах религии и философии для католической церкви.

85. «Чудесный мир мавританской культуры Испании». В результате завоевания большей части Пиренейского полуострова арабами в VII в. в Испании появилась блестящая арабская культура, которая просуществовала до конца XV в, когда завершилась Реконкиста – обратное завоевание всего полуострова христианами, испанцами и португальцами. Ницше имеет в виду европейское рыцарство, принимавшее активное участие в Реконкисте.

86. «Швейцарская гвардия церкви». Начиная с XV в. наемные войска всех европейских государств в значительной мере состояли из швейцарцев. Ницше имеет в виду, что немецкие рыцари были наемниками церкви.

87. Фридрих II Гогенштауфен (1194-1250) – император «Священной Римской империи», король Сицилии. Во время крестовых походов познакомился с исламской культурой и многое от нее перенял; находился во враждебных отношениях с папским престолом, отличался вольнодумством – ему приписывается трактат «О трех обманщиках», то есть иудаизме, христианстве и исламе.

88. Humanitas – латинский термин, имеющий два основных значения. В значении «человеческая природа», «человеческое достоинство», «человеколюбие» он стал источником новоевропейского понятия «гуманизм». В другом значении – «образованность», «духовная культура», «утонченность вкуса», «изысканность речи» – он породил наши «гуманитарные науки» («гуманитарий» совсем не обязательно «гуманист»). Ницше обыгрывает многозначность данного термина, указывая и на «бескультурие» христианства, и на его «противочеловечность».

89. Злосчастный день (лат.)